

Руслан Белов

Сердце Дьявола 2

Руслан Альбертович Белов
Сердце Дьявола 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151432

Содержание

Глава первая	5
1. Отечественный джин-тоник и черт с "Роллексом". – Трахтенн нервничает.	5
2. Ностальгия по прошлому. – Пассаж на перекрестке. – В мусорном баке.	11
3. Всех вырезали. – В бездне отчаяния. – Бельмондо предлагает план.	22
Глава вторая	27
1. Остановка в Айни. Реминисценции. – Снежный человек не существует. – Остатки на голову.	27
2. Опять галлюцинации? – Это не человек!!! – Во мраке. – Стриженный пришел за шерстью.	39
3. Сколько же он их съел? – Худосоков на покое. – Хорошо, что дверь открывается наружу...	48
4. Обезьяна в первобытном состоянии. – Людоествовал! – Баламут падает в обморок.	59
5. Тестирование в постели. – "Трешка" в ажуре. – В зобу дыхание сперло.	67
6. Шрамы отсутствуют, остальное на месте... – Они просто появились.	72
Глава третья	76

1. Под Худосоковым. – Не дышит, но тепленькая, хоть сверху ложись...	76
2. Николай Второй просит водки. – Память образца прошлого года. – Конец ученого.	85
3. Боливар не вынесет двоих... – В лаве. – Без "трешки" не обойтись. – Крысы бегут в небо.	93
4. Пятна, каверны и дырки. – Когда топор был найден и проверен на остроту...	98
5. Копы не против. – "Трешка" в действии. – Компот из селедки. – Делодохное?	105
6. Всех по паре. – Двенадцать против шестерых.	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Руслан Белов

Сердце дьявола 2

Глава первая

Загнали в угол

1. Отечественный джин-тоник и черт с "Роллексом". – Трахтени нервничает.

Стояло необычайно жаркое для Москвы лето. Я сидел на дамбе Калитниковского пруда. Подо мной простирался безнадёжно замусоренный берег, слева и далеко впереди резко зеленели купы деревьев. Зеленели они и справа, над кладбищенским забором. Вода у берега была отвратительно-коричневой на вид, но вдали блестела вполне оптимистично, видимо, во многом из-за того, что рядом со мной стояла полутора литровая бутылка джина-тоника. Глоток в честь оптимизма лишил ее имиджа наполовину полной. Горько усмехнувшись этой метаморфозе, я вспомнил последний скандал с матерью: "Она была не права, сказав, что я – пьяница, и

умру под забором. Как только дело доходит до забора, у меня кончается спиртное..."

Глотнув еще, я устоял в пролом кладбищенской стены, на сбежавшиеся со всей округи голубенькие кресты. Когда мне стало казаться, что они в своем единении похожи на скелет некой прозрачной сущности, обитающей меж Небом и Землей, их заслонил собой вступивший на дамбу благообразный господин. С "Роллексом" на руке, холеный, выглаженный и, вне всякого сомнения, удовлетворенный пищеварением и влажностью воздуха...

"Черт!" – подумал я, моментально забыв о сущности. – Это черт, который все купил и продолжает покупать... Надо бы подвалиться к нему, пока вконец не потерял товарного вида".

...Видения у меня начались вскоре после возвращения из Кырк-Шайтана. Например, я мог видеть, как заварочный чайник растворяется в воздухе. Да, заварочный чайник. Или Ольга. И, что неприятно, эти видения оказывались вещими. Чайник, в частности, исчез. А Ольга ушла. Месяц назад мне почудилось, что меня много... Что десять, а может быть, и двадцать Черновых, точно таких, как я, обретаются на острове с кокосовыми пальмами, в каком-то подземелье и даже на космическом корабле, мчащемся то ли к гибели, то ли к победе...

"Это Волосы Медеи... – подумал я, улетаая мыслями в Кырк-Шайтан. В Кырк-Шайтан, в котором вместе с товари-

щами я поверил в реинкарнацию, поверил в бесконечное переселение душ.

Поверил и убедился, что смерть при наличии реинкарнации – вещь относительная...

Поверил, что души умерших переходят не в малоприспособленный для нормального существования рай (или, тем более, ад), а в новые, полные энергии тела.

Поверил в бесконечное время, в бессмертную, по сути, жизнь...

Поверил, что Всевышний намеренно сделал так, чтобы в каждой новой жизни человек ничего знал о предыдущих. Сделал так, чтобы человек пытался, боролся, мечтал и страдал. То есть жил, а не существовал, дожидаясь следующей жизни. Сделал так, чтобы в вещный час открыть бессмертной душе все жизни, ею прожитые, открыть во всем многообразии, открыть, чтобы она, как и Он, смогла охватить собою все сущее.

Поверил, потому что окунулся в три свои предыдущие жизни. И узнал, что моя судьба тесно переплелась с судьбами друзей не только в настоящем, но и далеком прошлом. Да, переплелась и весьма тесно. Потому что дружба – это не с кем-то пуд соли съесть или много выпить, дружба – это нечто большее. Дружба – это родство душ, и потому, наверное, родственные души, переходя в новые оболочки, сохраняют тяготение друг к другу. А любовь – это телесное. Любовь не переходит, в ней много минутного, много суетного,

много гордыни, с трудом распространяющейся во времени...

Это знание, нет, эта вера вошла в нас с частичками медеита, неизвестного науке волокнистого минерала, весьма похожего на хризотил-асбест. Вошла, потому что летучие тончайшие его нити легко проникают в душу, проникают и делают ее чувствительной и подвижной...

Реинкарнация... Конечно же, она существует. Хотелось бы, чтобы существовала. Николай до сих пор в нее верит, а вот Борис иногда приходит к мысли, что медеит – просто галлюциген, вызывающий групповые видения. И все наши путешествия в прошлые жизни – это не что иное, как галлюцинации. Ничем не отличные от реальности, но галлюцинации.

"Прошное запечатлевается в душах, как на грампластинках или лазерных дисках, – сказал однажды Коля, задетый скептицизмом Бориса. – И медеит проигрывает эти диски в наших душах. И потому ты вспомнил, что был Роже Котаром, вдохновителем Нострадамуса, и козлом Борькой. И прожил с ними жизнь. А они прожили твою".

Человеку не понять реинкарнации. Как амебе компьютер. А без понятия вера слабеет. И мы со временем перестали верить в то, что казалось, нет, было явью.

Время – это время. Год проходит и все смешивается. Явь становится вымыслом, вымысел – явью. Все покрывается туманом, которому мало прошлого, который устремляется в будущее. И ты уже не знаешь, что тебя ждет. Черное небы-

тие? Или новая жизнь? Новая попытка понять Бога? Понять жизнью, а не смертью, не исчезновением с лица земли...

Очередной глоток джина-тоника вернул меня в настоящее, и я вновь узрел господина с "Роллексом". Мизинец правой его руки был окольцован лейкопластырем телесного цвета с малюсенькими аккуратными дырочками для вентиляции. Я поморщился – этот замечательный артефакт Земной цивилизации, вызвал у меня неприятное чувство, что-то вроде зависти, смешанной с отвращением. Посмотрев в сторону Сущности, проживающей меж небом и землей, я понял, что меня так ковырнуло: если бы я не плевал на свои раны, а заклеивал их лейкопластырем, то не сидел бы сейчас в двух шагах от символического забора!

"Вот так вот всегда... – усмехнулся я. – Одни живут, как люди, а другим открываются великие истины". И сделал себе утешительный подарок в виде очистительного для бутылки глотка. Когда ее покидали последние капли, проснулся мобильник.

Звонил Баламут. Зная, что я в ауте, он предлагал попить чайку на моей территории.

Я согласился и, отрывая телефон от уха, увидел лейкопластырь, оберегавший чертов мизинец. Стало неприятно на душе (наверное, от мысли: "А вот тебе беречь себя незачем..."), и мне захотелось что-нибудь выкинуть. Вспомнив рекламный ролик "Золотой бочки" (помните полувагон, груженный песком и "новыми" русскими?), я повертел мобиль-

ник в руках и выкинул. Не в чистый песочек, поближе, как в ролике, а подальше, в пруд, в грязную воду. Довольного жизнью гражданина этот поступок, варварский по отношению к цивилизации, неприятно поразил, испугал, может быть, он как-то сник лицом и безвольно растворился в мареве.

* * *

Выйдя из анатексиса, Трахтенн вон Сер подошел к главному дисплею пульта управления и увидел, что процессы Перехода Пси значительно убыстрились.

– Мы не успеем? – спросил он у бортового компьютера.

– Если скорость перехода сохранится, то нет.

Расстроившись, вон Сер заходил взад-вперед по командному пункту. И ходил, пока не кручмы не привели его к релаксатору.

2. Ностальгия по прошлому. – Пассаж на перекрестке. – В мусорном баке.

Моя комната была полна дыма. Баламут лежал на тахте и курил, уставившись в потолок; я подошел к окну, растворил его и, когда часть дыма вытянуло в прихожую, увидел, что на тахте лежит не Баламут, а Бельмондо.

– Ты что такой грустный? – спросил я, присев перед ним на корточки.

Борис, не посмотрев на меня, затушил сигарету в пепельнице, лежавшей у него на груди, и тут же зажег следующую.

Решив, что он занимается реализацией законного права на свободу совести, я забегал глазами по комнате. Сумка с бутылками нашлась под журнальным столиком. Открыв бутылку "Души монаха", я взял со шкафа фужеры, наполнил их до краев, включил телевизор и попробовал вино. Оно оказалось неважным, и мне пришлось опрокинуть рюмку залпом.

– Плохое что ли? – раздался равнодушный голос Бориса.

– Нормальное практически. Что у тебя там стряслось?

Лицо Бориса скривилось гримасой обиды.

– Партнеры объехали. Раздели до нитки, потом посмеялись – простак, мол, – и коленкой под зад... А я им доверял, как тебе...

– Дела можно поправить...

– А вчера Вероника меня поперла...

– Не может быть. А что случилось? – равнодушно спросил я, переключая телевизионные каналы в попытке найти наименее идиотскую программу. Равнодушие получилось естественным. Меня выперли, его выперли. Все так естественно, по-другому, похоже, и не бывает.

– Тестюшка постарался... Почувствовал, что у нас с Дианой было лирическое отступление...

– От норм социалистической морали?

– Ага. Ты же знаешь.

– Выжал, значит. А что Вероника?

– Вероника? Она же дочка... И мамина любимица...

– Понятно... А сын как поживает?

– Сын хорошо поживает... Полгода я его на руках носил, спать укладывал, коляску катал, пеленки стирал... Прикинь, как-то однажды колготки зарядил в стиральную машину вместе с памперсом...

Голос Бориса задрожал.

– Хватит об этом, не могу больше, – отвел он намокшие глаза. – А ты тоже с Ольгой расплевался?

– Понимаешь, она к моему удивлению стала нормальной женщиной с нормальными стереотипами. А у меня нормальность, как не стараюсь, никак не получается.

– Это точно... – Борис выбрал бутылку марсалы и протянул ее мне вместе со штопором.

– Помнишь худосоковскую марсалу? – улыбнулся я, рассматривая этикетку.

– Конечно... "Ящик марсалы за хорошую драку!"... Ленька Худосок – это что-то...

– Да, знаменательная была сволочь... До сих пор помню, как он кричал: "Я насилую и убиваю с чистой совестью. А вы? Перед тем, как убить или украсть, а чаще после этого, вы придумываете себе лицемерные оправдания!" Или: "Добро – это миазмы Зла, его отходы! Найдите хоть одно "чистое" дело, дело, которое движется не злом!"

– Правильно говорил... – вздохнул Борис, вспомнив, видимо, принципы своей предпринимательской деятельности.

– Правильно, но не точно. Я бы сказал, что все на свете движется не злом, а пороком.

– Пороком?

– Порок – это не водку пить, водку пить все любят. Порок – это когда ты не как все, это отличие от большинства. Вот я недавно познакомился с одной законченной минетчицей... Вот это личность! Стержень у нее внутри стальной, хребет! Гиндукуш! Кордильеры! А беспорочные – они мягкотелые все, бесхребетные... Их и запомнить-то трудно.

– Да, люди правду говорят, – улыбнулся я, наблюдая, как Борис радуется измышленной сентенции.

– Что говорят?

– Попадется хорошая баба – станешь счастливчиком, попадется плохая – станешь философом...

Мы помолчали. По телевизору шли новости. В Петербурге убили бизнесмена. В Приморье что-то взорвалось. В Москве

опять двадцать пять.

– Ослы мы, – сказал Борис, переключившись на музыкальный канал. – Золота в Сердце набрали. Где оно сейчас? Нет, чтобы пару килограммов медеита прихватить... Рванули бы сейчас в Вавилон или к Клеопатре... До сих пор воочию помню, как с Мишелем Нотрдамом пьянствовал. И как он мне служанок своих посылал и потом в дырочку подсматривал... Нет, все-таки мы ослы.

Я наполнил рюмки, протянул одну Борису. Вылив в себя вино, он разлегся на тахте. Увидев, что и я не прочь принять горизонтальное положение, подвинулся к стене, освобождая место. Некоторое время мы лежали, заложив руки за головы, и смотрели в потолок.

– А у тебя все нормально со здоровьем? – спросил Борис, широко и звучно зевнув.

– Да как тебе сказать...

– Да так и скажи...

Я рассказал о своих видениях.

– И я глечу потихоньку, правда не так, как в прошлом году, – усмехнулся Борис, выслушав. – Однажды целый час беседовал с довольным чертом с "Роллексом" на руке, потом день был Мопассаном, а совсем недавно – Юлием Цезарем...

– Юлием Цезарем? Класс! Если не секрет, за какие грехи тебя зарезал Брут со товарищи?

– Черт его поймешь... – пожал плечами Борис. – За то, что спал с его матерью? Вряд ли. Ведь он от этого родился.

За то, что баловался с его сводной сестрой Юнией Третьей? Тоже маловероятно. Как говорится, с ней вся Одесса спала, то есть весь Рим и мне, то бишь Юлию Цезарю, грех было брезговать тем, чем не брезговал весь римский народ, электорат бы меня просто не понял...

– А черта я тоже видел... Два часа назад на Калитниковском пруду.

– Мне он предлагал делать утреннюю зарядку и потом обливаться холодной водой. Еще говорил хорошо читать Спортэкспресс от корки до корки, погодой интересоваться, а также есть в одно и то же время, и верить в какого-нибудь бога или хотя бы в шипучий аспирин "Упса". И все будет тип-топ, говорил...

Посмеявшись, я разлил вино по стаканам и произнес тост за душевное здоровье и живительный аспирин. Выпив, мы закурили.

– Слушай, Черный! – сказал Борис задумчиво, когда вино, миновав желудок, побежало по кровеносным сосудам. – Я давно об этом думаю. Мы ведь с тобой неудачники, да?

– Ну, как тебе сказать... Если рассматривать наше положение с точки зрения астральной логики...

Мне не удалось закончить мысль – пришел Баламут. Ознакомившись с ситуацией, то есть с уровнем вина в бутылках, стоявших на столе, он недовольно покачал головой и, захватив с собой Бельмондо, отправился за водкой.

Через час, когда я, до предела истерзанный жаждой и бес-

покойством, уже собирался идти на поиски, они вернулись. Пришли без водки и в бинтах. У Баламута была перевязаны голова (посередине лба повязку украшало пятно крови) и правая кисть. Бельмондо был легко ранен в бедро и грудь.

– Попали в разборку... – виновато улыбнулся Николай. – Дорогу переходили, а кто-то вдарил из гранатомета то ли в меня с Борисом, то ли в "Мерседес", стоявший перед светофором. Машина, сумка с водкой – вдребезги, а нас зацепило осколками стекла. Хотели смыться, но менты как-то неожиданно набежали, отвезли в больницу, а потом – в отделение. Допросили оперативно и отпустили до завтрашнего дня... Лейтенантша одна, очень уж ей Борис понравился, шепнула, чтобы мы поосторожнее были. Сказала, что один человек боится, что мы кое-кого видели....

– А вы видели?

– Ты что-нибудь видишь, когда идешь за водкой?

– Я серьезно спрашиваю.

– У перекрестка Баламут одним "БМВ" заинтересовался. Уставился в него, и этим седока немало обеспокоил...

– А когда вы возвращались...

Я замолчал, увидев в окно трех плотных мужчин в кожаных куртках. Они, – хмурые, собранные, – шли к подъезду. У левой подмышки первого из них пиджак вздувался рукояткой пистолета.

Баламут и Бельмондо угадали, почему вытянулось мое лицо, и без слов бросились к кухонному окну. Спустился несколь-

ко секунд мы мчались по примыкавшему к дому школьному двору. Пробегая мимо мусорного бака, Бельмондо запнулся раненой ногой и упал. Мы схватили товарища, посмотрели на бак, – он был большим, – переглянулись, и опустили Бориса в него. И разом залезли сами. Бак, к счастью, оказался почти пустым, и места нам хватило.

Устроившись меж застывшими от напряжения друзьями, я принялся собирать под собой мусор (бумагу, отходы школьной столовой и прочее) и подсовывать его под крышку. "Чтобы бак казался полным до краев" – ответил я на шепот Баламута: "Ты чего дурию маешься?"

Когда снаружи раздался глухой озабоченный голос: "Ты в баке, вон в том, посмотри", – показавшийся мне весьма похожим на голос Худосокова, Баламут откупоривал четвертинку, завалившуюся у него во внутреннем кармане пиджака. Души наши, само собой, ушли в пятки, но второй голос вернул их на место: "Да ну его на ..., не видишь, он забит до краев".

Выпив водки и отказавшись закусить огурцом (Баламут нашел его под собой), я задумался о Худосокове.

– Глюк это, – прочитав мои мысли, прошептал Баламут. – За последние месяцы я несколько раз с ним встречался.

– Понятно, впечатлил тебя Ленчик в прошлом году... – хмыкнул Борис. – Вот и чудится теперь повсюду.

– Первый раз он в подъезде с ножом на меня накинудся, – продолжал рассказывать Николай. – Но я пьяный был в са-

мый раз, да в кураже, и ему не повезло... А через неделю шел из гостей, и он едва меня не задавил... Как я на капот его "жигуленка" ухитрился заскочить, не знаю...

– А в последний раз? – спросил Бельмондо.

– Что в последний раз? – переспросил задумавшийся Николай.

– Когда Худосокова в последний раз видел?

– В "БМВ" на перекрестке...

– Маразм крепчал, шиза косила наши ряды... – заключил Бельмондо слова товарища.

Тишину, возникшую после этой бесспорной констатации, нарушили звуки торопливых шагов и (опять!) голос Худосокова: "Скажи капитану, что по-быстрому надо кончать, а не то загремим под фанфары".

Как только на школьном дворе вновь воцарилась тишина, я в шутку предложил друзьям остаться в баке до утра. Но Бельмондо сказал, что беспокоится за Веронику и сына: в милиции знают его домашний адрес.

– И этот голос меня достает... – добавил он. – Если бы я сам не видел эту тварь мертвой, да еще с выбитым пулей затылком, то клянусь, наложил бы в штаны. Нет, надо ехать домой...

* * *

На этот раз релаксатор преподнес Трахтенну красотку вон

Мархен из популярной на Марии мыльной оперы. Вся покрытая ярко-лиловой осциллирующей слизью, она погрузилась к нему, лежавшему в высокочастотном трансформном бассейне и, мелко дребезжа сухоткой, принялась самозабвенно разминать гейрами его верховые кручмы. Когда они в экстазе съжились, страстная Мархен обхватила купольную шишку партнера влажной менелой и медленно, очень медленно вывернулась на партнера. Трахтенн затрепетал, чувствуя, как в нем скапливаются положительные заряды... А в ней – отрицательные, такие чувствительно-колкие, такие многообещающие... "Главное – раньше времени не загреть под дзынзары, – думал он, напрягшись от предвкушения разряда, обещавшего быть восхитительно мощным. – Дотерплю сегодня до 220 вентов... Дотерплю! Дотерплю!!!"

Ему не удалось дожать кайформу до 220 вентов. На 216 венте разряд совокупления начался самопроизвольно. И мгновенно все вокруг потонуло в невообразимом сиянии высокотемпературной плазмы. Каждый брелок Трахтенна сладостно взорвался пурпурными вулканами, выплеснувшими в мантию Мархен миллионы быстрых пионов...

Вывалившись из релаксатора, Трахтенн обнаружил, что до сеанса связи с Марией остается достаточно времени, и он сможет еще часик-другой провести с манолией. И опять полез в машину.

...Манолии отличались от ксеноток по всем статьям. Происходили они с Марго, ближайшей к Марии обитаемой

планеты, и представляли собой весьма странные существа, состоявшие из высокоорганизованного газово-жидкостного облака. Эти бесполое создания, в сущности, питались ксенотами, поглощая из них жизненно необходимые вещества, и, прежде всего, пионы.

Перед тем, как приступить к еде, манолия окутывала ксенота или ксенотку своим газово-жидкостным телом. Это "домогательство" выглядело чарующе, как со стороны объекта нападения, так и со стороны случайного наблюдателя – манолия, невидимая в невозбужденном состоянии, постепенно возникала вокруг жертвы в виде многоцветного пульсирующего гало. Процесс окутывания сопровождался нежной мелодичной музыкой, ввергавший продукт питания в состояние протрации.

Когда жертва переставала двигаться, манолия вводила в ее тело сложные по составу вещества, которые очень тонко и в определенной последовательности воздействовали на нервную систему и органы чувств ксенота (примерно так же, как пальцы виртуоза воздействуют на клавиши фортепиано). И лишь когда жертва ввергалась в состояние чувственного экстаза, совершеннейшего комплексного экстаза, в котором принимали участие и слух, и осязание, и обоняние, и зрение, и вкус, и все эмоции и состояния (радость, страх, счастье), манолия принималась высасывать из партнера необходимые ей питательные вещества. Стоит ли говорить, что после всего этого ксеноты некоторое время чувствовали себя опусто-

шенными?

3. Всех вырезали. – В бездне отчаяния. – Бельмондо предлагает план.

Дверь квартиры Бориса мы нашли открытой. В прихожей лежал Павел Петрович с разбитым черепом. В гостиной истекала кровью Вероника, зарезанная ударом в сердце. Диану Львовну убили на кухне. В детской, в кроватке под измятой подушкой лежал шестимесячный Вадим.

Увидев окоченевшего сына, Бельмондо потерял сознание. Бледный Баламут поручил его мне и помчался домой.

Отчаявшись привести Бориса в чувство, я решил позвонить в милицию и скорую помощь. Домашний телефон, конечно же, был разбит, и мне пришлось идти к соседям. Открыли мне этажом выше. Дозвонившись, я вышел на лестничную площадку и услышал от дверей Бориса голос, говоривший, видимо, в мобильник:

– ...выперли его из дома, а он поволновался пару дней, и всех порезал...

Я затаился. Голос был знакомый, у мусорного бака он ответил вопросу Худосокова. Через некоторое время из квартиры вывели Бориса, я понял это, услышав его монотонное безумное бормотанье: "Всех убили, всех..."

Глубоко вдохнув, я ринулся вниз, столкнул говорившего

по телефону на пол, каким-то чудом выбил пистолет из рук человека со знакомым голосом, первым до него дотянулся и начал стрелять.

Спустя три секунды все было кончено, и лишь тогда я увидел Бориса. Он сидел под мусоропроводом и беззвучно плакал. Решив тащить его на закорках, я подошел к нему и попытался поднять на ноги. Но сделать этого не смог – с нижней лестничной площадки к нам понеслись пули.

Стреляли плохо. Очень плохо. Две пули пробили над моей головой асбоцементную трубу мусоропровода, третья тронула правую голень Бориса. Куда точнее легла пуля, выпущенная мною. Она попала в сердце стрелявшего. Я двинулся к нему, чтобы добить выстрелом в голову, но тотчас сделать это не сумел.

Не сумел, потому, что превратился в объятый ужасом камень – у моих ног лежал ни кто иной, как Ленчик Худосоков!

Вывел меня из ступора истеричный мужской голос, раздавшийся из-за дверей ближайшей квартиры: "Это милиция!? Это милиция? Приезжайте немедленно! У нас в подъезде стреляют! Вы понимаете – у нас стреляют!!!"

"Стреляют, так стреляют", – подумал я и начал жать курок.

...Первая пуля вошла в левый глаз Худосокова, вторая – в правый, третья – в рот, четвертая – в нос. От последней голова его раскололась. Поморщившись, я засунул пистолет за пояс, бросился к Борису, схватил его в охапку и побежал

вниз.

Бельмондо пришел в себя в слесарной мастерской: напуганный моим "макаром" мастер поранил его резакон. Расплатившись, мы поехали на квартиру к Баламуту.

У Николая тоже всех убили – и Софию, и сына Александра, и тещу. Мы нашли его стоящим на коленях над телом жены, кое-как привели в чувство и увели прочь.

* * *

Ехать ко мне было опасно, и я позвонил матери своей старинной подружки. С Татьяной (так ее звали) я познакомился в спальном мешке в первой своей аспирантской экспедиции. Несколько лет назад она вышла замуж за француза, огорченного эмансипацией соотечественниц, переехала к нему, но, будучи весьма осторожной дамой, российские свои метры не продала.

За пятьдесят долларов мать Татьяны разрешила нам пожить пару суток в квартире на Ясном проезде. Через полчаса мы были в ней. Посадив Бориса с Николаем в гостиную, я позвонил Ольге и сказал, что сижу с друзьями в прескверной и весьма перспективной заднице. И посоветовал срочно уехать с Леной на пару месяцев куда-нибудь подальше, а лучше – за границу.

– Что, совсем прескверная задница? – спросила она, не ответив на вопрос о Леночкином здоровье.

– Убили всех у Баламута и Борьки... – ответил я. – И детей тоже... И Худосоков...

Ольга бросила трубку, недослушав.

В очередной раз переживая разрыв с супругой, я вернулся в гостиную. Друзья в прострации сидели на диване. Было видно, что остекленевшими глазами они видят лишь окровавленные тела жен и детей. Первым молчание нарушил Баламут. Пряча красные слезящиеся глаза, он попросил у меня пистолет. Я, пожав плечами, отдал – патронов в нем не было. Взяв оружие, Баламут подошел к Борису и, положив ему руку на плечо, сказал подрагивающим голосом:

– Что-то жить совсем не хочется... Пойдем, что ли, воевать?

– Нет, Николай... Мы пойдем другим путем... – покачал головой Бельмондо. – С одним пистолетом с этой бандой ничего не сделать... Замочат, как пить дать, и посмеются. И поэтому воевать здесь мы не будем, а завтра же поедем на Кырк-Шайтан...

– Ты хочешь восстановить "трешку"? – догадался Баламут. Глаза у него моментально высохли и наполнились смыслом.

– Да. Восстановим ее, и все будет у нас в руках, все, в том числе, и правосудие.

– Я – в полный рост! А ты Черный?

Я пожал плечами и согласился.

Трахтенн очнулся от холода. Очувствовавшись, он понял, что релаксатор вышел из строя от нештатных перегрузок, и теперь ему до самой смерти, а точнее 44 гrega и 11 мер придется ходить сухослизлым. "Что ж, – вздохнул он, настраиваясь на философский лад, – придется переходить на военное положение". И пнув релаксатор соответствующей кручмой, направился в рубку посмотреть на дисплей, показывающий состояние Синии.

Дисплей к его удивлению "отдыхал". Кровожадные зигзаги WX целевой планеты обратились в сонные синусоиды, десятки доли цифровых характеристик проводящей зоны менялись как бы нехотя.

"Я успею, я успею разрушить эту планету! – возрадовался вон Сер, съезживаясь от охвативших его чувств. – И стану величайшим героем Марии! И все ее жители до скончания веков будут рассказывать потомкам о моем великом подвиге!".

Вдоволь насытившись ощущением своей значимости, Трахтенн лег спать. С расчетом увидеть во сне бесподобную Мархен.

Глава вторая

Сплошной бардак

1. Остановка в Айни.

Реминисценции. – Снежный человек не существует. – Остатки на голову.

Прилетев в Ташкент, мы купили на автомобильном рынке подержанный "Уазик" в хорошем состоянии и тотчас уехали на Искандеркуль.

Первую остановку сделали в Айни, располагавшемся в трех часах езды от цели нашего путешествия. Поставив машину в переулке, пошли в чайхану, прятавшуюся под огромной чинарой, взяли шашлыков, салатов, сухого вина и устроились на широкой тахте, покрытой потертыми коврами.

Баламут ел и пил неохотно. По его глазам я видел, что прошлое осаждает его со всех сторон: ведь он сидел в этой чайхане десятки раз. Вон, на той широкой тахте, застланной обшарпанным полосатым покрывалом, он лежал, дожидаясь реанимационной машины, лежал, только что вытащенный из упавшей в Зеравшан вахтовки... Здесь же, убеждая вернуться в семью, его грудь поливала слезами первая жена Наташа.

Боясь, что после Наташи он вспомнит Софию и раскиснет, я рассказал историю, случившуюся с моей матерью в бытность ее полевым геологом:

– В пятидесятом году, мою мамочку Лену спустили сюда со штолен с острым приступом аппендицита. В больнице ее переодели в залатанное солдатское белье – рубашка, подштанники с тесемками – и положили на операционный стол. Заморозили, что надо, и хирург к ней со скальпелем полез... А мамуля моя как увидела его, маленького, черненького, с бельмом на глазу, с руками скрюченными – у такого семечек на базаре купить побрезгуешь – и слетела со стола насмерть испуганной кошкой. И вон убежала. Отец, машину на штольни отправив, коридор шагами мерил; так она схватила его за руку и в подворотню потащила, вон в ту, за той шелковицей. Средняя Азия тогда еще была Средней Азией, и молоденькой девушке появляться на кишлачной улице в нижнем белье никак было нельзя: камнями могли побить.

И что делает моя маменька в такой старорежимной обстановке? Она ведет моего папулю в ближайший общественный сортир общесоюзного образца и просит его поменяться с ней одеждами! Представляете общесоюзный сортир? Ну, тогда вы поняли, как мой папуля любил свою женщину. Он сидел над зловонным очком сутки (подштанники натянуть не мог, размер был маловат), потому как мамочка, найдя добрую женщину, переоделась в ее халатик и тут же в ознобе свалилась. А добрая женщина наняла машину и отправила,

беспамятную уже мою мамочку в ближайший город, в больницу, в которой хирург был хоть и не лучше кишлачного, но представительный. Следующим утром у маменьки едва швы от смеха не разошлись... Когда она вспомнила, где ее молодой человек ночевал.

* * *

...К вечеру мы были на Искандеркуле. У казавшейся вымершей метеостанции нас остановил старый, дочерна загорелый чабан в чалме, брезентовых сапогах и ветхом полосатом чепане. Овцы его паслись в рощице, в которой в советские времена располагалась турбаза. После обычных приветствий и вопросов, чабан посерьезнел и сказал:

– Не надо, ашно¹, Кырк-Шайтан ходить. Там многа шайтан живет. Весь человек пугает".

– Какой шайтан? – удивился я. И было чему удивляться: ведь в прошлом году мы оставили в подземельях под Кырк-Шайтаном безмолвных лаборантов и служащих Худосокова, которые ни с какого бока на чертей не походили, и походить не могли.

– Там пещера барф-шайтан живет, всех кушал, наверна, скоро кишлак пойдет обедать.

– Барф-шайтан? То есть снежный человек по-русски? –

---

¹ Друг (тадж.).

переспросил я.

– Да, снежный человека... Тири метр високий, шерсть длинный везде, дажа нос растет, камень рука ломает, дерево вместе с корен вырывает. Худосоковский подвал живет...

– Его кто-нибудь видел? – спросил Баламут.

– Кто видел – весь умирал!

– Понятно! – улыбнулся Николай снисходительно. – Никто не видел, никто не слышал, но все страшно бояться...

– Да, силно боялся! – закивал местный житель.

– А люди из города не приезжали его проведать? – спросил я, вынув из кармана кошелек.

– Три человека из Душанбе приезжал и там пропадал, – махнул сторож в сторону Кырк-Шайтана. Потом пять или шесть раис приезжал с автоматчик. Спрашивал, подвал есть или нет.

– Ну и что? – насторожился Бельмондо.

– Мы им говорил, что там ртуть многа течет. И все люди сумашедший становится. Нам тут человек из город не нужно. Он жадный, у них автомат есть, а когда жадный люди автомат есть, он савсем плахой, голова масла нет.

– И что, уехали? – расслабился Борис.

– Конечно, уехал. Бумага писал, что никакой подвал нигде нет, мы подписывал, баран давал и до свидания говорил.

– А на метеостанции люди есть? – спросил Николай.

– Есть, спят давно.

– Как это спят?

– Они бражка варил в молочный фляга, теперь отдыхать делают.

Посмеявшись, я дал чабану что-то около сотни рублей, похлопал его по плечу, и мы запылили к Кырк-Шайтану, вышавшемуся на противоположном берегу озера.

– А что ты, Черный, можешь сказать по поводу снежного человека, как объективной реальности, данной нам в наших ощущениях? – спросил Бельмондо, задумчиво разглядывая спокойные воды озера Искандера. – Ты же работал когда-то в этих краях?

– Снежный человек, он же барф-шайтан – это абсолютная фантастика, данная нам в нашем воображении. Он существует только в воображении жуликов желающих заработать на гонорарах бульварных газет... И, естественно, в воображении доверчивых читателей этих газет.

– Почему? – поинтересовался Баламут, чихнув – ветер неожиданно переменился, и вся наша машина оказалась поглощенной облаком тонкой белой пыли.

– Видишь ли, дорогой, – ответил я, когда облако осталось позади, – для того, чтобы снежный человек в течение длительного времени мог существовать как вид, популяция его должна быть довольно многочисленной – не меньше нескольких десятков человек... Если бы снежных людей было бы столько, они или их стоянки встречались бы каждому охотнику и каждому пастуху, не говоря уж о геологах...

– Значит, снежный человек – миф... – задумчиво поды-

тожил Баламут мой рассказ. – Ну так пусть этот миф поработает на нас. Чем меньше людей будут ошиваться вокруг подземелья, тем нам лучше....

– Ты зря боишься паблисити, – мягко прервал его Бельмондо. – Наша организация будет существовать в пещере вполне легально...

– Под видом сумасшедшего дома, что ли? – съязвил я.

– Нет, – ответил Бельмондо, посмотрев на меня темно. – Мы, скорее всего, откроем в пещере штаб-квартиру организации по борьбе за права человека...

– И в скором времени, столица братского Таджикистана, а вслед за ней и СНГ, переедет на Искандеркуль, – опять съязвил я, впрочем, уже без всякой надежды на успех.

– Ну, в этом нет необходимости... Впрочем, если благодарный народ захочет, почему бы и нет? – пожал плечами Бельмондо. Машина в это время переезжала через речку, за которой темнели подножья Кырк-Шайтана.

– А вот и наша гора! – воскликнул Борис, когда уазик выбрался на берег. – Давайте заночуем под ней, как в прошлом году с Сильвером?

Было уже поздно, и мы с Николаем согласились. Палатка и спальные мешки у нас, конечно, были, как и все необходимое для приятной вечеринки под открытым небом.

Споро поставив палатку, мы соорудили из большого плоского камня стол, покидали на него закуски, овощи, зелень, фрукты, присоединив к ним, конечно, несколько бутылок де-

сертного вина, и сели ужинать.

О, господи, как мне было хорошо! Близкое небо устремлялось звездами к нашим глазам, река ворковала с ночью, костер распространял вокруг себя таинственные отблески и запах березового дыма. Я наслаждался... Иногда мои мысли улетали к Ольге, с которой мы когда-то сидели под этой самой скалой, прижавшись друг к другу, но очередной глоток вина возвращал их в настоящее.

Николай с Борисом молчали. Я пытался завести разговор, но безуспешно. Борис, блестя сумасшедшими глазами, время от времени что-то строчил в записной книжке. Николай тоже был сам не свой: находясь в добром здравии, он давно бы охарактеризовал поведение друга примерно так: "Ленин в Разливе, твою мать!".

Перед тем, как идти спать, я предложил друзьям прогуляться. Лишь только трава оросилась отработанным вином, сверху, с самой вершины Кырк-Шайтана раздался жуткий протяжный крик, такой отчаянный, что всем нам стало не по себе.

– Убили кого-то... – не переставая писать, посмотрел на скалы Борис.

– Ага. Циркулярной пилой, – согласился Баламут, застегивая ширинку.

– Вот идиоты! Никто ведь нас сюда не звал... – буркнул я, последовав его примеру. – Сами притопали. А представьте, что здесь все идет по-прежнему? И какой-нибудь безумец

дожидается нас, чтобы выпотрошить наши глупые головы...

— Точно, — нервно хихикнул Баламут. — Чтобы мозги в компьютер вставить.

— На фиг ему твои пропитые мозги... — хмыкнул Бельмондо. — А вот глаза красные, вполне сгодились бы на индикаторные лампочки.

Я засмеялся, представив, как быстро моргает глаз Николая на передней панели компьютера во время работы винчестера.

Минуты три мы стояли, вслушиваясь и вглядываясь в подпиравшую небо зазубренную верхушку Кырк-Шайтана. Однако ничего не увидели и не услышали кроме убажжающего шелеста реки.

Постояв еще, пошли к палатке. Как только Бельмондо, шедший первым, нагнулся, чтобы в нее войти, с вершины Кырк-Шайтана что-то упало и покатилося вниз, увлекая с собой камни. Когда камнепад закончился, мы подбежали с карманными фонариками к подножью горы и увидели обнаженного человека, лежавшего на спине с распростертыми руками.

Живот у него был рвано разверзнут, внутренние органы отсутствовали, также как и "филейные части", то есть бицепсы, бедра и ягодицы.

Ошеломленный этой жуткой картиной, я предложил "выпрямить линию фронта", то есть отойти на турбазу и ночевать там. Но Бельмондо, нехорошо улыбаясь, сказал, что

снежный человек, судя по всему, неплохо поужинал, и потому до завтрака нам опасаться нечего. Николай с ним согласился, и мне ничего не оставалось делать, как подчиниться большинству.

* * *

Когда до импакта осталось 23 гrega, интоксикаторы на пункте физиологической реабилитации закончились. До жидкости в системе экстренного струнного замедления Трахтенн вон Сер добраться и не мечтал (конструкторы, зная об ее свойствах, постарались на славу). Несколько мер поклонявшись по кораблю, Трахтенн занялся починкой релаксатора – а что было делать? К его несказанному удивлению это поползновение завершилось полным успехом, и релаксатор кокетливо замигал спасителю зелеными индикаторами.

Трахтенн тут же полез в него и... и, в конечном счете, утратил душевное равновесие. Несколько греггов после испытания починенного релаксатора он ходил как в дренаж опущенный, вновь и вновь переживая испытанные ощущения. Это было ужасно и... притягательно своей изящной простотой!

...Лишь только релаксатор заискрился разрядами, Трахтенн ощутил себя прямоходящим существом-гуманоидом, совершенно лишенным слизистого покрова, с небольшой головой, покрытой белокурым волосом, с четырьмя удлинен-

ными пальчатыми конечностями. Между нижними конечностями располагалась еще одна, но гораздо меньших размеров и без пальцев. Существо в ожидании удовольствия возлежало на широком ложе, покрытом блестящей алой тканью... Оно ожидало другое существо, омывающееся в соседнем помещении жидкой окисью водорода.

Вытянув из Трахтена последнюю капельку вождения это существо явилось – белотелое, с длинными блестящими волосами, с двумя мягкими эластичными полусферами на груди и без пятой конечности между ног (вместо нее была влажная щель, поросшая по краям кудрявым волосом). Звали это создание Нинон. Она опустилась на ложе и, играя глазами, принялось обнимать и приглаживать бархатными конечностями тело Трахтенна. Это бесподобно чувственное действие продолжалось с десятков эхов; их хватило, чтобы мариянин, совершенно сойдя с ума, обездвижил создание кручками, нет, руками и жадно впился своей оральным отверстием в ее отверстие, приоткрытое, зовущее, так привлекательно окрашенное по краям красной приятно пахнувшей краской. Во время этого действия пятая конечность Ван Сера неожиданно отвердела и увеличилась в размерах. Метаморфоза привела Нинон в совершеннейший восторг, она обхватила мягкими краями орала пятую конечность Трахтенна и стала совершать головой неистовые возвратно-поступательные движения.

Поначалу Трахтенн боялся, что Нинон повредит его неж-

ную конечность своими белоснежными измельчителями пищи, но эти опасения оказались напрасными. Измельчители, как незадействованные актеры, спрятались за кулисы тонких эластичных... губ (слова, описывающие Нинон, один за другим падали в сознание Трахтенна, как падают золотые монеты в драгоценную копилку скупца). О, эти губы! Как они были прекрасны! Как точно они передавали все грани настроения Нинон, все ее желания, всю ее половую суть! Но, тем не менее, Трахтенн (не вытерпев и трех мер) вырвал свою звенящую радостью конечность из орала Нинон, перегруппировался криглом и неожиданно для себя вставил ее в щель между нижними ее конечностями.

О боже! Какое это было непередаваемое блаженство! Всякий раз, когда Трахтенн вспоминал этот момент, его передние нижние кручмы начинали мелко вибрировать, он покрывался голубой слизью, надувался гелием и прилипал к потолку. И падал вниз, в который раз поняв, что вновь и вновь жаждет того, что случилось потом. И ни с какого бока не желает более ни манолию, ни, тем паче, пресыщенную ксенотку. И более того, боится, что в следующий раз релаксатор предложит ему что-нибудь другое...

После пятого падения, вон Сер засучил фалды и пошел в приборный отсек с твердой решимостью добраться до содержимого системы экстренного торможения. По пути он по привычке заглянул на командный пункт и в главном иллюминаторе увидел Желтого Карлика. Третья его планета, Си-

ния, сверкала звездочкой 10-й величины.

"Скоро она перестанет существовать, – горько усмехнулся Трахтенн, не сводя с планеты воспаленных глаз. – Перестанет существовать, чтобы Вселенная-3 существовала вечно..."

Отойдя от иллюминатора Трахтенн, задумался о Нинон, и его мозг болезненно сморщился. Он понял, что релаксатор после починки настроился на волну ближайшей обитаемой планеты... То есть на волну Синии... А для Трахтенна в настоящее время это означало только одно: через 22 грега и 43 мер прототип Нинон перестанет существовать вместе со своей планетой.

2. Опять галлюцинации? – Это не человек!!! – Во мраке. – Стриженный пришел за шерстью.

Утром мы обнаружили, что посланец неба исчез, а трава на месте его падения выглядит как новенькая.

– Снова галлюцинации? – спросил я Бельмондо.

– Брось! – махнул он рукой. – Тоже мне выдал – галлюцинации! Ты сколько вчера на грудь принял?

– Литра полтора...

– Вот-вот! После полутора литров и черт на коньках привидеться...

Я разозлился и прошипел:

– Этого манну небесную я видел своими собственными глазами. И Баламут ее видел. А ты просто видеть ничего не хочешь!

– Да, не хочу! – ответил Борис, простодушно улыбаясь. – Если там, за поворотом, нас дожидается рота вооруженных до зубов барф-шайтанов, я все равно пойду в Центр. И ты пойдешь со мной, и Баламут пойдет...

– А если рота Худосоковых? – усмехнулся я, вспомнив, сколько Худосоковых пересекло наш путь за последнюю неделю.

Бельмондо внимательно посмотрел мне в глаза, затем

махнул рукой и пошел к кострищу кипятить чайник.

Доев остатки ужина и попив крепкого чая, мы поехали к входу в подземную лабораторию Худосокова. За пару сотен метров до цели Баламут, сидевший за рулем, резко остановил машину и, выйдя из нее, уставился в следы обнаженных ступней размера не меньше пятидесятого. Они пересекали дорогу в нескольких направлениях. Мы с Борисом вышли и присели на корточки у самого отчетливого следа.

– Это не человек... – наконец проговорил Бельмондо.

– Да... – согласился я – Ступня узкая, пальцы длинные, обезьяньи почти...

– Это не обезьяна... – покачал головой Бельмондо. – Это – снежный человек... Надо бы разведать все вокруг. Знаешь, Черный, ты иди в подземелье, а мы с Колей вокруг посмотрим...

"Никак он меня в штрафную роту определил", – вздохнул я и, взяв у него пистолет, ушел.

"Обезьяны-людоеды мне только не хватало! – думал я, продвигаясь к устью подземелья. – В юности все эти горы облазил сверху донизу, и никогда ничего не видел. И местные таджики их не видели. Слышали и видели их лишь два журналиста из "Вечерки", которые статьи о них пописывали, и скальпы из бараньих шкур по телевидению показывали, вместе с фотографиями, снятыми с километрового расстояния... Игорь Кормушин в маршруте видел, как эти мошенники следы на глухой тропе печатали. Так что, скорее всего,

этот снежный человек – один из одичавших кадров Худосокова. Но тогда следы должны были быть человеческими... А они обезьяньи. И их все больше и больше... Объективная реальность, никуда не денешься. Ох, если и дальше так пойдет, то ты, Черный, в самого черта поверишь, не то, что в реинкарнацию..."

Когда до входа в логово Худосокова оставалось идти не больше сотни метров, откуда-то сбоку, со стороны вреза дороги послышалось сдавленное рычание. Я мгновенно обернулся, палец напряг курок, глаза заметались в поисках гигантской обезьяны – ничего!

А это что!!? Глаза искали снежного человека и не увидели облезлого волкодава внушительных размеров, лежавшего на краю дорожного обрыва.

Посмотрев во влажные глаза собаки, я опустил пистолет: волкодав не угрожал, своим рыком он, видимо, приветствовал меня. Или предупреждал об опасности.

– Привет, как дела? – поздоровался я с ним. – Ты тут обезьяны не видел? Метра под три ростом?

Судя по реакции, волкодав видел снежного человека: окинув меня сочувствующим взглядом, он поднялся на ноги и исчез в скалах, внимательно оглядываясь по сторонам.

...На площадке перед входом в подземелье тоже были следы барф-шайтана, в том числе и затоптанные обычными человеческими следами. К этому времени мне надоело бояться; я включил фонарик, вошел в подземелье и, к своему

удивлению увидел, что оно содержится в полном порядке – кругом ни пылинки, все убрано, стены только-только побелены.

"Все как в прошлом году... – подумал я, рассматривая на полу следы мокрой тряпки. – Наверное, и обед по расписанию. Надо пойти, глянуть, время самое то".

Дверь в столовую была приоткрыта и я, вслед за дулом пистолета, осторожно посмотрел внутрь. И услышал сдавленный кашель! Отпрянув, перевел дух, и глянул вновь, уже светя фонариком.

Глянул и остолбенел: в столовой за столами сидели люди в белых и синих халатах!

Это были служащие подземной лаборатории Худосокова. В прошлом году, уезжая в город, мы предложили им ехать с нами, но они, как один, не захотели покидать своей привычной норы. И мы не стали их принуждать: понятно, что в горном подземелье с такой кухней, конечно же, лучше, чем в голодном приюте для умственно отсталых.

Придя в себя, я вступил в столовую и пошел меж рядами столиков, рассматривая в свету фонаря лица бедняг. Да, бедняг – лица рабов Худосокова, бесстрастные в прошлом году, несли отчетливую печать горя. "Что-то их ест", – подумал я и, вспомнив "манну небесную", упавшую с Кырк-Шайтана, заулыбался случайно получившейся шутке.

Луч фонарика вырвал из темноты поверхность одного из столов – на нем перед "беднягами" стояли тарелки с жарен-

ным картофелем, залитым мясной поливой. Посреди стола располагались суповые тарелки, пустые и с остатками борща. На краях некоторых из них лежали свернувшиеся в трубочку кусочки помидорной кожуры. Кроме всего этого на столе среди постоянных его обитателей – пластмассового стаканчика в короне салфеток, горчицы в розетке, перечницы и солонки – стояли тонкостенные стаканы с виноградно-грушевым компотом. Я сглотнул слюну (люблю погрызть на десерт сморщенную компотную грушу) и подумал: "Недурно живут... В крошечной темноте – жаренная соломкой картошка. И борщ из свежей капусты. Откуда..."

Мысль моя не завершилась: в столовой вспыхнул свет, и бывшие служащие Худосокова, не выразив ровным счетом никаких эмоций, разом принялись за второе.

Как только глаза привыкли к яркому свету, я увидел хорошенькую официантку; она, одетая в короткую голубого цвета униформу с белым кружевным воротником, направлялась к свободному столику с заставленным тарелками подносом.

"И как только я не заметил ее в прошлом году? – задался я вопросом, рассматривая очаровательный носик, а затем и стройные ноги работницы общепита. – Наверное, из-за того, что, кроме Ольги, никого вокруг себя не видел..."

Поставив тарелки на белоснежную скатерть, официантка посмотрела на меня глазами, просящими защиты и поддержки, точнее, глазами, обещавшими за защиту и поддержку неподдельную любовь и нежную ласку, да так ясно посмот-

рела, что мне захотелось немедленно утащить ее в комнату отдыха и там немедленно защитить и утешить. Жаждающий еды ансамбль моих органов пищеварения, был моментально забит соло пещеристых тел, однако я, будучи волевым и достаточно высокоорганизованным существом, не подчинился бросившим вызов разуму низменным инстинктам.

Хорошенькая официантка не смогла сделать того же самого (понятно, вынули у женщины душу). Опустив, вернее, уронив поднос на стол (салфетница опрокинулась в харчо поверженной королевой), она схватила меня за оцепеневшую от смятения руку и увлекла в комнату отдыха. Я был столь изумлен ее поведением, что не оказал никакого сопротивления. Но, впрочем, не пожалел об этом – служительница общепита оказалась весьма приятной во всех отношениях женщиной.

...Мы вернулись в столовую минут через двадцать, и я с удивлением обнаружил, что посетители столовой по-прежнему сидят на своих местах. Я спросил девушку, почему они не расходятся по своим рабочим местам. Она лишь грустно улыбнулась в ответ и, тронув мою щеку бархатными пальчиками, ушла на кухню принести мне еды. Пока я расправлялся с изумительнейшим харчо, она сидела напротив и неотрывно, очень тепло, смотрела мне в глаза. Вглядевшись в умиротворенное лицо девушки, я с удовлетворением отметил, что "вагинальная спермотерапия" пошла ей на пользу.

"Нужен курс... – решил консилиум моих органов

чувств. – Курс лечения... И, мм... продолжительный курс... В целях закрепления полученного эффекта. К тому же в начале лечения хороший врач всегда назначает двойную дозу".

Девушка прочла эти мысли. Поставив передо мной второе, она загадочно улыбнулась, приоткрыла рот и провела по губам острым кончиком розового языка. Я встал, как заколдованный, мои руки сами собой потянулись к ее талии. Она уже подошла ко мне, когда бывшие служащие Худосокова, как один, выдали сдавленное, повергающее в трепет "А-а-а!" Я обернулся, скажем, в изумлении, и увидел в дверях высокого, нагого человека, с ног до головы покрытого щетиной! Да, да, щетиной! Не шерстью, не волосами, а именно щетиной, трехдневной щетиной! Он – собранный, устрашающе дикий – стоял и пристально разглядывал сидящих за столами людей.

"Барф-шайтан! – взорвалось у меня в голове. А человек, как бы подстегнутый ею, метнулся в комнату, схватил одного из окаменевших синехалатников (не первого попавшегося, а выбранного во время стояния в дверях), вскинул его легко на плечи и был таков...

* * *

Трахтенн вон Сер Вила летел на корабле, от киля до клотика и от носа и до кормы заполненным взрывчатыми материалами. 1123 торго назад ученые Кардинального узла Ма-

рии неопровержимо установили, что в ядре Синии, третьей планеты Желтого Карлика зреют необратимые процессы, аналогичные процессам, приведшим к гибели предыдущих Вселенных. Проведя дополнительные исследования, ученые установили время начала основных событий Большого Взрыва-4 и некоторые возможные физические особенности Вселенной-4 (каждый Большой Взрыв не походил на предыдущие). Из выкладок ученых получалось, что новая Вселенная сначала пронзит, не повреждая, предыдущую и лишь затем, заняв весь ее объем, вытеснит ее вещество в субсеквентный пограничный вакуум.

Всеобъемлющие прецизионные исследования, проведенные по приказу Ведущего Администратора Марии Прахтена вон Кифа показали, что переход В3/В4 можно предотвратить, уничтожив Синию прямым ударом в точку выхода на поверхность планеты временной зоны проницаемости, пространственно совпадающей с одной из важнейших во Вселенной космических струн. И не только предотвратить, но и навсегда ликвидировать способность Потустороннего Сущего перерождаться в новые состояния. К несчастью для мариян первая попытка уничтожения Сердца Дьявола закончилась 30.06.1908 по времени цели неудачей, то есть промахом на десятки градусов, как по долготе, так и по широте. Ко второй и последней попытке марияне готовились долгих 102 торга. На роль символического спасителя Вселенной-3 в ходе многоступенчатого конкурса был выбран честолюби-

ый мариянин Трахтенн вон Сер Вила.

3. Сколько же он их съел? – Худосоков на покое. – Хорошо, что дверь открывается наружу...

Лишь только снежный человек скрылся со своей жертвой, до моего слуха донеслись совершенно необъяснимые в контексте событий звуки. В растерянности я забежал глазами по столовой и увидел, что поразившие меня звуки вызываются не чем иным, как ложками! Эти люди доедали то, что оставалось в их тарелках! Их товарища, пусть не товарища – сослуживца, только что унесли на заклание, да что на заклание – на съедение! а они, как ни в чем не бывало, продолжали свою трапезу! Более того, хорошенькая официантка, талию которой я продолжал держать в руках, по-прежнему неотрывно смотрела на меня. И в ее глазах светилось желание доставить мне удовольствие вполне определенного рода.

Я, вне себя от негодования, выпустил талию девушки из рук, сел за стол и придвинул к себе второе.

"Все складывается воедино, – думал я, не чувствуя ни вкуса, ни запаха поглощаемой пищи. – Тот голый Вася, упавший с Кырк-Шайтана на наши головы, эта бритая обезьяна и, наконец, эта явная привычка подземного общества к ее набегам... Не иначе я попал в крааль к тривиальному людоеду... Человек в неделю... Значит, он съел примерно

пятьдесят бывших подчиненных Худосокова. Если начал их есть сразу после нашего отъезда. Всего подземных сотрудников было человек семьдесят-восемьдесят... Значит, через пару-тройку месяцев он должен приняться за кишлачный народ. А если их, людоедов, здесь несколько? Вот попал! А эта девица? Судя по ее глазам, у них тут строжайший сухой закон. Ни-ни секса. Хотя нет, какой сухой закон. Это Ленкина обработка. Он ведь все из своих служащих-мужиков выжимал, все, кроме, естественно, служебного рвения. Ладно, хватит размышлений. Бельмондо с Баламутом уже, наверное, беспокоятся".

Встав из-за стола, я взял официантку за руку и отправился к друзьям.

Баламут и Бельмондо сидели в тени машины, о чем-то горячо споря. Увидев нас, замолчали и принялись исподлобья разглядывать мою простодушно улыбающуюся спутницу. Сев рядом с ними, я закурил и, по-хозяйски посматривая на Клеопатру (так мне пришло в голову назвать девушку, чем-то походившую на египетскую царицу из известного голливудского фильма), рассказал о ситуации в подземелье.

– Я думаю, эта обезьяна – продукт физиологических опытов Худосокова... – выслушав, глубокомысленно изрек Бельмондо.

– А как она на тебя реагировала? – спросил Баламут. – Ты не почувствовал, что она и тебя рассматривает, как объект пищеварения, то бишь обычный продукт повседневного пи-

тания?

– Да нет вроде... – ответил я, пожав плечами. – Скользнула по мне взглядом, может быть, даже на мгновение испугалась...

– Испугалась! Ну и прекрасно, господа! – потер Борис руки. – Боится – значит уважает!

* * *

...И раньше Бельмондо был парень не промах, но, испытав душевное потрясение, он и вовсе сделался не знающим усталости демоном. Не знаю, каким образом (не поднимая головы и не покладая рук, я занимался изучением сохранившейся компьютерной техники и иного оборудования), но через сутки все бывшие сотрудники Худосокова смотрели на него как на хозяина и неукоснительно выполняли все его приказы.

Поселились мы в своих комнатах. В тех самых, в которых жили год назад, жили с женами. Николай, войдя в свою, – я шел за ним, – совершенно раскис. Лунатиком он приблизился к кровати, сел. Обнажил подушку, откинув край одеяла. И отпрянул.

Подойдя, я увидел, что его изумило. Золотой волосок Софии.

Я почернел от досады: "Конец Баламуту... Будет теперь бегать по коридорам Центра, крича: "Ау, София, ау"".

Я не ошибся. Николай обратился ко мне лицом. Оно, вся его фигура выражали решимость найти Софию во что бы то не стало.

— Она здесь! — воскликнул он, ожидая от меня немедленного проявления бурной радости. — Она определенно здесь! Я чувствую, понимаешь?

* * *

На следующий день мы выяснили, что добраться до жилы медеита нам не удастся. Потому что подходы к ней взрывал я, никогда не жалевший аммонита. На разборку завалов потребовалось бы несколько недель и это при условии использования буровзрывных работ. Бельмондо посетовал на мою прошлогоднюю рачительность и поручил поискать Волосы Медеи на складах Худосокова.

На второй день работы в Центре я установил, что создание "трешки" вполне возможно без приобретения какого-либо компьютерного или иного оборудования. В обширнейших складских помещениях мне удалось обнаружить все необходимое вплоть до тора. Однако ни медеита, ни неврогаза (или эссенции, как мы стали его называть) мне найти не удалось. И это меня огорчало.

Да, в деле усовершенствования человеческого общества я решил идти с товарищами до конца. Вопросы самосовершенствования занимали меня постоянно, но собственные успехи в этой области были мизерными и, вдобавок, рассеивались так же быстро, как дым у костров. Возникавшие же в связи с этим рассеиванием реактивные потуги по улучшению окружающих и близких, то есть общества, всегда кончались моим от него отторжением.

Впервые я прокололся на строительстве коммунизма. Будучи старшим геологом геологоразведочной партии и комсоргом крупной экспедиции, я строил коммунистическое будущее самозабвенно: ежедневно изматывался в маршрутах, работал в загазованных и обваливающихся штольнях, питался с голодухи галками и чумными сурками, воевал с незначительными проходчиками, буровиками и начальством...

Я с детства был насквозь пропитан коммунистической идеологией. Однажды, возвращаясь домой с дружеской вечеринки, я вытолкал из автобуса парня, на куртке которого был изображен американский флаг. "Нечего чужие флаги носить, у нас есть свой, советский!" – кричал я ему вслед, потрясая указательным пальцем.

Но прошло несколько лет, и я понял, что происходящее вокруг не имеет ничего общего со строительством ком-

мунизма. Большинство людей и практически все начальство строило не коммунизм, а личное будущее. Они губили нас, простаков, воровали или "закапывали" народные деньги, приписывали, боролись в верхах за неперспективные месторождения. Когда я окончательно понял, что все это не пена, а преобладающий образ жизни, мне стало скучно.

– Получается, что нормальный, честный, добрый человек, радеющий о всеобщем благе – это исключение, щепка среди моря жуликов, – говорил я друзьям. – Или даже не исключение, а несуществующее явление, фантом, химера...

– Успокойся, дорогой, – отвечал мне Борис, прекрасно приспособившийся к теневым особенностям развитого социализма. – Химера, химера... У тебя самого с одной стороны нимб, а с другой – жопа. И вообще, все поэмы о великой любви сочинены импотентами или развратниками. А все своды законов – великими преступниками... А все великие гуманисты были либо безвольными слабаками, либо злодеями, либо просто неврастениками.

С производства геологоразведочных работ я ушел в науку – скопище высоких интеллигентов. И однажды стал свидетелем всенародной ссоры двух кандидатов на должность директора одного из славнейших и старейших московских институтов.

– Я тебя раздавлю! – шипел один. – У меня вице-президент Академии в кармане!

– А я вас обоих с дерьмом смешаю! – злорадствовал дру-

гой. — У меня кореш на Старой площади!

И везде, где бы мне ни приходилось жить или работать, всем правило зло и жажда наживы... Но, тем не менее, мечта жить ангелом среди ангелов не истребилась, и я был готов ради этого на любую авантюру.

...Один известный режиссер поставил однажды на российской императорской сцене драму-трагедию по книге Маркса "Капитал". Она провалилась: массовке платили мало, ведущие актеры зажрались, а когда в главрежи закономерно выбилось Ничто, и вовсе развалили спектакль на несвязанные действия.

Так почему же не повторить попытку на новом витке спирали? Тихой сапой, келейно? Массовка спит и вдруг просыпается в обществе справедливости! Причем справедливости не моей, не его, не дяди Сэма, а основанной на лучших кодексах законов!

И еще один момент. Из всемирной истории я знал, что, скорее всего, из нашей затеи ничего не выйдет: игры с народом всегда заканчиваются жестоким поражением. То, что с пафосным таким ударением называют человечеством, беспощадным железным катком прокатывается не только по большинству рядовых своих членов, но и по "чингисханам", "наполеонам", "гитлерам", "сталинам". И поэтому я рассматривал затею Бельмондо, как игру, опасную лишь для нас с Баламутом и, может быть, сотни-другой преступников.

А сам все более и более задумывался об идее, высказан-

ной Худосоковым. А если действительно каждому новорожденному вживлять в голову микрочип, который постоянно и эффективно внушал бы ему то, что пытаются внушить своим детям ответственные родители: "Ты хороший человек", "Ты счастливый", "У тебя отличные родители!", "Все люди хорошие", "Ты не можешь никому причинить зла", "Ты учишься, живешь и работаешь во благо каждого и каждый учиться, живет и трудится в твоё благо".

И все! Все вопросы будут решены! Люди перестанут ощущать себя несчастными, перестанут тянуть на себя одеяло и всем его хватит! Не нужно будет религий, которые пытаются внушить людям то же самое, но столетие за столетием терпят поражение из-за лицемерия своих служителей.

А если ничего из этого не выйдет, если человечество не может существовать в атмосфере добра, то пусть оно погрязнет во зле, но во зле уже не лицемерном, а в том, честном, о котором любил говорить Худосоков. И пусть тогда каждый несчастный знает, что его грабят, унижают и убивают во имя великой цели – во имя сохранения человечества!

...И я "рыл землю" – искал эссенцию тотально, обшарил каждый квадратный метр каждой комнаты, каждой камеры, каждого коридора.

И нашел кое-что... Но не газ, а Худосокова... Он, забальзамированный, одетый в синий костюм-тройку, белую рубашку и черные туфли, лежал в красном гробу, стоявшем на покрытом тяжелым драпом помосте.

"Наверное, он так завещал..." – подумал я, вглядываясь в мертвое лицо Худосокова. Оно, тронутое предсмертной усмешкой, было страшным какой-то особой антиживостью, оно жило смертью и не просто смертью, а смертью, дышавшей мне в затылок. Моей смертью, смертью моих друзей и близких... "Он что-то придумал! – замерло сердце. – Его смерть – это продуманное звено его козней, посмертных козней!"

Сотря испарину со лба, я вынул перочинный нож, непослушными руками раскрыл его и вонзил в грудь мумии.

Лезвие вошло в нее, как в рыхлый пенопласт. Я успокоился и покинул склеп, насвистывая "Однажды смерть старуха пришла к нему с косой, ее ударил в ухо он рыцарской рукой..."

Приподнятое настроение помогло мне – не прошло и часа, как я нашел эссенцию. Она хранилась в химической лаборатории, в нише, прикрытой фальшивым электрощитом.

Колб с голубым искрящимся газом было штук пятнадцать. Они стояли на металлических полочках и мерцали в унисон, как бы обмениваясь мыслями и впечатлениями.

Взяв одну в руки, я обернулся к потолочному плафону, чтобы посмотреть колбу на просвет и увидел... барф-шайтана. Он, совершенно нагой, стоял и думал, съесть меня прямо на месте или перенести это мероприятие в свое логово – мысли эти были написаны на его зверином лице и в глазах весьма отчетливо. Я инстинктивно метнул в него колбу; она,

отскочив от мощной груди природного феномена, упала на пол, разбилась. Рассмотреть, как душевная эссенция высвобождается из заточения я не смог – прямой в челюсть выбросил мое тело в коридор.

"Хорошо, что дверь открывается наружу", – подумал я в полете.

* * *

...В сердце вон Сер Вила закралась печаль. Последнее время он несколько раз в мер посещал релаксатор и полюбил ощущать себя жителем Синии. Трахтенн, как и многие марияне, побывал во многих уголках своей звездной системы, испытал практически все виды удовольствий, в том числе, конечно, и сексуальных, но о таких ярких и удивительных по своему разнообразию ощущениях, он не мог и мечтать...

"Все удовольствия, испытанные мною за всю мою жизнь, не стоят и единственного эха, проведенного с жительницей этой планеты, – думал он, не сводя взгляда с Синии, призывно мерцавшей в иллюминаторе. – И эту удивительную планету я должен уничтожить..."

Да, синийки вскружили ему голову. Вон Сер думал только о них. В очередной раз вообразив себе лобок Нинон, покрытый мягким курчавым волосом, вспомнив непередаваемый вкус ее внутренних губок и вновь пережив совершенно невозможный для мариянина чувственный взрыв, Трахтенн

огромным усилием воли подавлял в себе добропорядочное желание покрыться голубой слизью и бежал в релаксатор, не остывший еще от предыдущего посещения...

4. Обезьяна в первобытном состоянии. – Людоедствовал! – Баламут падает в обморок.

Очнувшись, я увидел над собой барф-шайтана, лишившего меня нескольких минут сознательной жизни.

– Извините, сударь, – сказала он, прикрывая срам руками. – Так получилось...

Я вытаращил глаза. Если бы не ступни 47-го размера, я подумал бы, что передо мной стоит не говорящая обезьяна, а нормальный человек.

– Я не хотел, вернее, он хотел, не я... – продолжил оправдываться барф-шайтан.

Я замотал головой – говорящая обезьяна не исчезала.

– Выпить хочешь? – попыталась загладить вину обезьяна, и я немедленно пришел к мысли, что в ней очень много человеческого.

– Угу, – сказал я, ощупывая скулу и челюсть. На скуле что-то непонятное обнаружил, исследовал на ощупь и пришел к выводу, что это телесного цвета бактерицидный пластырь с дырочками.

"Дожил... – подумал я, отковыривая его ногтями. – Нет, не возьмешь! Сначала пластырь на рожу, потом в уютный кабинет с мягким креслом, пластиковыми папками, конди-

ционером с дистанционным управлением и смородиновым чаем "Липтон" в одноразовых пакетиках. И так всю жизнь. Брр! Как фикус в кадке".

В это время мои глаза сами по себе сфокусировались на бутылке полусладкого десертного вина. Не мешкая, раскупорив ее, я принялся пить из горлышка. Выпив половину, отставил бутылку и стал ждать, пока поглощенное вино разделяется с остатками владевших мной страхов.

– Ты это чего вдруг? – спросил я, когда вино успешно справилось с поставленной задачей.

– Чего чего?

– Зачем синехалатников ел, вот чего.

– А что подделаешь? – погрузился в размышления. – Ел, конечно. Я же себя не контролировал... Так сказать, совершал преступные деяния в состоянии невменяемости организма.

– Ну и как? – спросил я, не в силах отвести глаз от чудовищных ступней собеседника.

– Что как?

– Вкусно?

– Ты меня на пушку не бери! Вкусно, не вкусно, я теперь – человек и людьми питаться больше не намерен.

– Молодец! – улыбнулся я. – А как ты до жизни такой дошел?

– Долгая история... – сказал бывший снежный человек, ладонью очищая грудь и живот от щетины. Она удалялась также легко, как обработанная эпиляторным кремом.

– А ты принеси еще бутылку вина, закуски какой и рассказывай. Я послушаю, мне интересно, да и по служебным обязанностям полагается...

Через десять минут Барф-шайтан явился в синем халате и с заказом.

– Ну, повествуй, давай, – потребовал я, разглядывая новоявленного синехалатника.

– Полтора года назад, в Саратове пошел я к одному известному психоаналитику, – усевшись на полу, начал рассказывать мой новый знакомый. – Были у меня проблемы с людьми...

– Ты что и раньше их ел!!?

– Да нет, психологические проблемы... – грустно улыбнулся эксбарф-шайтан. – И этот психоаналитик послал меня к хорошо известному вам Худосокову...

– А откуда ты знаешь, что эта темная личность мне с друзьями известна?

– А я видел вас с ним, да и вы видели меня... Я – Горохов Мстислав Анатольевич. Помните такого?

И я вспомнил, как с друзьями наблюдал процесс извлечения невроэссенции из собеседника. Худосоков тогда рассказал нам его историю болезни – влюблялся в своих женщин до крайности, превращая их и свою жизнь в муку. "А я высосу, – говорил, – из него немножечко души, оравнодушу по краям, и будет самое то – и жена будет довольна, и любовница, и доживет счастливым до девяноста двух лет".

– Так ведь он вас вылечил! Я сам видел ваши равнодушные, холодные глаза...

– А помните, как ваши дочки случайно вошли в главный компьютер, в "двушку"? И Худосокова оравнодушили?

– Ну...

– Так перед тем, как фамилию Худосокова на экране компьютера "кликнуть", и тем под колпак послать, твоя дочь мою фамилию "кликнула". Я уже на пути в Самарканд был, когда меня охранники догнали и под колпак вторично посадили.

– А вы откуда знаете, что именно так и было?

– Китайгородский Константин Сергеевич сказал. Ну, тот, которого вместе со мной околпачивали... Он еще сопричастностью страдал, помните? За эфиопов голодных переживал, за экологию Байкала и рождаемость в Ямало-ненецком национальном округе...

– Конечно помню. И после второго околпачивания ты полностью обездушил...

– Да... Не полностью, правда, а как раз до уровня обезьяны. Потом "двушка" вернула бы меня, наверное, в первобытное состояние, но вы такой тарарам со стрельбой подняли... А без души люди быстро в обезьян превращаются, в том числе и телесно. Смотрите, у меня даже стопа разошлась, совсем обезьяньей стала... И шерсть выросла, как у мартышки...

– А ты, что, брился?

– Да... Иногда... Но сам не понимаю зачем... Видел од-

нажды, как один синехалатник из моей овчарни брился, вот и начал по-обезьяньи подражать...

– Слушай, Горохов! – начал я, немного подумав над словами собеседника. – Значит, это я тебя вылечил?

– Да. Колбой кинул и вылечил...

– Она разбилась, и ты впитал в себя души сколько нужно...

– Да...

– Значит, мы можем всех синехалатников таким же образом в нормальных людей превратить?

– В принципе, да... Но я бы не стал...

– Почему?

– Худосок из разных людей их делал... Преимущественно из психов и неврастеников. Похлестче нас с Константином Сергеевичем...

– Понимаю... – внимательно посмотрел я в глаза Горохова. И вспомнив манну небесную, свалившуюся с Кырк-Шайтана чуть ли не на нашу палатку, посуровел:

– А чего ты это вдруг, Мстислав Анатольевич, людей есть начал?

– Так никакой другой подходящей пищи не было, бананов или ананасов, например. А картошка ни в каком виде не пошла... Я деревенский, видите ли, сизмальства ею накушался...

– А мясо мороженое с кухни?

– Фу!

– Ну, ходил бы в кишлак кур воровать... Или, того легче, баранов на пастбищах.

– Да ладно тебе меня пытаться: обезьянья душа – потемки. Оставь винца-то немного. Я потом еще принесу...

* * *

Поговорив по душам, мы пошли к моим товарищам и обнаружили их в гостиной. С ними творилось нечто необычное: Баламут сидел в кресле бледный, как полотно, а Бельмондо поил его из стакана водой.

– Картина Репина "Приплыли", – начал я юродствовать, – или "Иван Грозный пытается оживить сына".

– Да вот, вошел пять минут назад сам не свой, пролепетал, что в коридоре Софью видел и упал в кресло, как институтка... – обернул ко мне недовольное лицо Бельмондо.

– Софью? – искренне удивился я. – Ковалевскую? А может быть, Офелию? Или тень отца Гамлета?

– Нет, Софью, жену свою бывшую... А это кто с тобой?

– Горохов Мстислав Анатольевич, ваш покорный слуга, – выступила из-за моей спины бывшая обезьяна.

– А... – вспомнил Бельмондо, критически рассматривая огромные ступни Горохова. – Выздоровели, что ли?

– Да, полностью...

– А как вы, дорогой Мстислав... – запнулся Борис, припоминая отчество собеседника.

– Анатолевич, – подсказал бывший шайтан.

– Да, Мстислав Анатолевич, как вы относитесь к благо-
родной задаче спасения человечества от язвы организован-
ной преступности и бандитизма?

– Хорошо отношусь. Мне господин Чернов по дороге сюда
разъяснил ситуацию и я готов вам услужить. Тем более, что
я специалист по вычислительной технике и связи.

– Понимаете, дорогой Мстислав Анатолевич, – заговорил
Бельмондо, натянуто улыбаясь, – нам люди нужны, а потом
уже специалисты... Не согласитесь ли вы поработать частью
биологического компьютера? Вы же ученый, вам будет инте-
ресно...

– Неожиданное предложение... – задумался Горохов. –
Разрешите подумать, господин Бельмондо?

– Можете подумать пару дней, а потом – в компьютер! По-
ра дело делать...

Последнюю фразу Бельмондо сказал рассеянно – в дверях
появилась... София.

* * *

В промежутках времени между посещениями релаксато-
ра Трахтенн, размышлял о жизни. Подумать было о чем.
Уничтожая себя и Синию, он спасал существующую Вселен-
ную, но уничтожал Будущую, совершенно невообразимую,
чудовищную, может быть, а может быть, поразительно чу-

десную. Уничтожая Естественное Будущее, он сохранял будущее, маленькое, теплое, безопасное, привычное будущее. Вмешиваясь в естественный ход вещей, то есть в помысл Божий, он становился... палачом Естества. Или революционером. Разумное существо может изменять Природу, знал он. Вернее, разумное существо не может не изменять Природу. Но до какой степени это позволительно мельчайшей капельке конформной протоплазмы? А если это изменение суть превращение тысячелетних скал в песок, а вековых сосен в технологическую щепу? Или мариян и других жителей Вселенной в сутолочных черво, как это произошло в объеме галактики 774343/999044 после перехода В2/В3? Имеют ли право живущие изменять Естество ради своего спасения? Имеют ли они право изменять то, что в миллиарды раз сложнее любой известной им сложности? Имеет ли они право окостеневать, вырождаться бесконечно в удовольствиях, лишая Вселенную будущего, без сомнения, бесконечно прекрасного?

Нет, не имеют! – отвечал он себе, тем не менее, зная, что ни при каких обстоятельствах не свернет со своего смертельного пути...

5. Тестирование в постели. – "Трешка" в ажуре. – В зобу дыхание сперло.

– Солярис, твою мать! Опять глюки, – вздохнул я, разглядывая практически всамделишную Софию. Девушка смотрела на меня настороженно.

Баламут потряс головой. Придя в себя, выпялиться на приведение. Поняв, что София существует объективно, встал с кресла, шажок за шажком подошел к ней вплотную и пристально посмотрел в глаза. Затем, придвинувшись, понюхал ушко. Затем обошел кругом, опять встал лицом к лицу, пальчиком оттянул ворот кофточка и, увидев в ложбинке между грудями маленькую алую родинку, заулыбался идиотом, сел в кресло и сказал:

– Это она. Один в один. Но не узнает...

– Послушай, Коля, а там, в Москве, ты мертвой ее видел? Может быть, ее и не убили? – спросил я.

– Видел... Шнурком была удушена, – сказал Баламут, пряча мгновенно намокшие глаза. – Я целовал ее всю холодную. В губы, в лоб, глаза. До сих пор чувствую этот холод... Потом ее в черный пластиковый мешок упаковали и в морг увезли...

– Значит, ты считаешь, что она... она – это галлюцина-

ция?

– Да, но очень качественная, даром не разговаривает, – ответил Коля, пристально посмотрев на бессмысленно улыбающееся подобие любимой жены.

– Так это хорошо, что не разговаривает... Молчаливая жена – мечта нормального мужчины...

– Ты думаешь, мне надо...

– Ну да! Я бы на твоём месте давно бы...

– А она не...

– Ля-ля-тополя... Послушай, Коля, ты случайно в одном месте плесенью не покрылся? Топай, давай, пока не слиняла...

Баламут взял Софию за руку и, смущенно улыбаясь, увел ее в спальню. А я, понаблюдав с минуту, как Бельмондо пишет в своей записной книжке, занялся "трешкой".

Спустя шесть часов все "железо" нового биокомпьютера было готово.

За ужином Бельмондо сказал, что первым номером в "трешку" полезу я (Первый номер, как же, меня прямо расперло от гордости!), вторым Баламут. Третьим членом биокомпьютера он назначил одного из синехалатников, четвертым – Горохова, пятой – Клеопатру, шестой – девушку, очень похожую на Софию (за три часа уединения в спальне Баламут ее приручил, но разговаривать она так и не научилась).

– А я останусь снаружи, – закончив назначения, проговорил Борис с улыбкой. – Ведь нужно кому-то вас охранять.

– Ага, – согласился я и задумался.

Подумать было над чем. Если Баламут отошел от тоски по потерянной жене, вернее, если эта материализованная галлюцинация в виде Софии вылечила его, стоит ли продолжать всю эту чехарду с улучшением человечества? А с другой стороны, как поведет себя Бельмондо если мы сообщим ему о нашем решении прекратить наши игры в правозащитников человечества? Борис, похоже, не думает выходить из игры... Нет, сейчас лучше не тыркаться: можно навредить только-только оправившемуся Николаю и к тому же подвигнуть Бельмондо на опасные для нас шаги. Глубоко тронутый горем человек – есть тронутый, он может и стрельнуть в упор – пистолет у него всегда за поясом... Но ведь пистолет можно и отнять...

– А где она? – металлическим голосом прервал Бельмондо мои мысли. И, черно усмехнувшись, демонстративно тронул рукоятку "макара".

Посмотрев на него, я понял, что принял правильное решение не оглашать манифеста о немедленном прекращении судебно-правовой компьютерной революции.

– Кто "она"? – переспросил я.

– Твоя, мм... девушка...

– Спит...

– Приведи ее.

Сердце мое упало. И тут же выскочило вон из груди – дверь, ведущая в столовую из коридора, открылась, и в

ее проеме мы увидели раскрасневшуюся, полную негодования... Ольгу. За ней стояла заплаканная Клеопатра. Лицо ее было расцарапано.

– Развел тут бордель, засранец, – сказала моя бывшая женщина, аки кошечка устраиваясь у меня на коленях.

Ответить я не смог – "в зобу дыханье сперло". Ольга сверлила глазами то Горохова, то Клеопатру. Убедившись в полной и безоговорочной капитуляции последней, промолвила, величественно ткнув пальчиком в Мстислава Анатольевича, донельзя удивленного происходящим:

– С ним будешь жить. Иди к нему.

Очувствовавшись, я задался вопросом: в мою ли пользу изменилась ситуация? Клеопатра была женщина хоть куда, а с Ольгой никогда не знаешь, вознесет она тебя в следующую минуту к небесам или прикопает под осиной. Но права выбора, похоже, у меня не было, и я привлек к себе девушку...

Борис попытался взять ситуацию под контроль.

– Слушай, Черный! – сказал он, с неприязнью разглядывая девушку. – По-моему ты не понимаешь, что делаешь... Это не Ольга, это кто-то другой...

– Заткнись... шизик, – полуобернувшись к нему, выдавила Ольга, и я понял, что "караул устал" и руководство компьютерного заговора низвергнуто. И вплотную занялся губами своей некогда ненаглядной.

Но Бельмондо одиннадцатым движением указательного пальца поставил контрреволюцию в весьма двусмысленное

положение – вытащив мобильник из нагрудного кармана, он набрал номер и, когда абонент ответил, подошел ко мне и приставил телефон к уху. И руки мои безвольно разжались, выпустили горячее, искреннее тело Ольги: в трубке я услышал ее голос, вернее, голос ее столичного прототипа.

– Ты? – выдавил я, уменьшившись в объеме на несколько размеров.

– Что случилось? Почему звонишь? – возмутились московская Ольга.

Я попытался объяснить, но был немедленно прерван:

– Не звони мне никогда! У меня есть человек, любимый человек и я не хочу, чтобы у него возникали вопросы. Понял!!? Не хочу!!!

6. Шрамы отсутствуют, остальное на месте... – Они просто появились.

Я растерянно посмотрел на Ольгу (Ольгу?), по-прежнему сидевшую у меня на коленях и уразумел, что это создание знает, с кем я только что разговаривал по телефону.

– Не обобщай, ладно? – сказала она, вжимаясь ягодицами в одно мое место. – Она там и с кем-то, а я здесь... Чувствуешь разницу?

Двинув ягодицами еще, копия супруги приложила мою ладонь к своей горячей груди. Покоренный исходящим от нее теплом, я, тем не менее, оттянул ворот свитера девушки и... не увидел меж ее грудей двух небольших шрамов. Тех шрамов, которые были у подлинной Ольги. Одну из этих пулевых отметин оставил ей в Приморье Худосоков, другую – Аль-Фатех на Клязьме. Шрамы эти поначалу были основательнее, особенно от медальона, вбитого в грудину пулей Худосокова – пластическую операцию по их сокрытию Ольга делала в лучшей клинике Москвы. И вот этих шрамов не было...

– Кто же ты такая?.. – спросил я, посмотрев в глаза девушки.

– А какая тебе разница? – усмехнулся вернувшийся из спальни Баламут, Судя по его улыбке, он уже доподлинно установил, что в определенном смысле материализовавшаяся-

ся София ничем не хуже своего прототипа.

– А тебе не интересно, откуда и зачем они появляются, и сколько там их осталось?

– Ты боишься не справиться еще с одной Ольгой?

– С еще одним самим. С еще одним тобой. Сечешь масть?

– Секу, – Баламут попытался погасить улыбку, сиявшую на его лице с тех самых пор, как он увидел Софию.

– Ничего ты не сечешь... И я не секу. И они не секут... – вздохнул я и, обернувшись к Ольге, повторил проигнорированный ею вопрос.:

– Ты кто такая?

– Я? – удивилась девушка. – Я твоя девушка...

– А что ты обо мне знаешь?

– Ну, знаю кое-что... Например, знаю, что познакомились мы в Приморье, на Шилинской шахте... Дочка Леночка есть у нас с тобой, она в Москве, у мамы на даче...

– А откуда ты здесь появилась?

– Не знаю. Появилась и все... – развела руками Ольга, растерянно улыбаясь.

Я не смог не улыбнуться в ответ. Она, почувствовав, что мой коготок увяз, придвинулась ласковой кошечкой и прочла любимые мной строки Окуджавы:

И в день седьмой, в какое-то мгновенье,

Она явилась из ночных огней,

Без всякого небесного знаменья,

Пальтишко было легкое на ней...

– Нет, ты все-таки попытайся вспомнить! – прервал я лирическое отступление, явно задуманное для отвлечения моего внимания.

Девушка подумала.

– Ничего не вспоминается, – наконец сказала она, мастерски используя улыбку, значившуюся в ее арсенале под названием "простодушная". – Помню только бирюзовое спокойное море, коралловый остров, кокосовые пальмы, горячий песок, старинный особняк с железными рыцарями и картинами. Тебя помню... Наверное, я к тебе из другого времени явилась. Из прошлого или будущего... Скорее всего, из прошлого, если рыцарей помню...

– Из прошлого... – повторил, я согласно кивая. – А почему бы и нет? Это явление Христа народу вполне в духе этих мест...

– Ты думаешь, это что-то наподобие реинкарнации наоборот? – спросил Баламут, затяжно посмотрев на Ольгу.

– Может быть. Мы с вами в прошлое ныряли, а это особа, похоже, из него вынырнула... И Софа тоже.

– А почему она похожа на Ольгу? Ну, исключая шрамы? – продолжал вопрошать Николай. – И Софа на Софию?

– Не знаю. Но, как и ты, хочу узнать.

И как можно ласковее шепнул в розовое ушко Ольги:

– А что у тебя на уме, родная?

– Обольстить хочу тебя, дорогой...

– А для чего?

– А это мой маленький секрет.

Следующую минуту мы все молчали, внимательно изучая узоры на устилавшем пол ковровом покрытии. Оторвали нас от этого занятия звуки неуверенных шагов, донесшиеся из коридора. Послушав, я заулыбался и сказал:

– Догадываетесь, кого мы сейчас увидим?

– Догадываюсь! – воскликнул Баламут и засмеялся. – Это идет... это идет погибель компьютерной революции!

И зашелся мелким смехом.

Моя догадка оказалась верной. Дверь столовой отворилась, и мы увидели... Веронику. Секунду постояв на пороге отрешенной сомнамбулой, она заулыбалась и пошла к Борису.

Глава третья

"Трешка" начинает действовать

1. Под Худосоковым. – Не дышит, но тепленькая, хоть сверху ложись...

Бельмондо излечился от своего бреда, призрак компьютерной революции, бродивший по его сознанию, исчез бесследно. "Революции нужны лишь проходимцам, психопатам и несчастным, – думал я, любясь счастливыми глазами Бориса. – А человеку, которому, как говорить, есть чем, есть где и есть кого, они не нужны...

– Так что мы маем с птицы гусь? – перебил мои контрреволюционные мысли Баламут, отправив Софию на кухню спросить к обеду пива с креветками. И сам же ответил:

– Моя ничего про себя не помнит, хоть кол на голове теши. Ни маму свою, Диану Львовну, ни даже сына Сашку. И Вероника, судя по всему, тоже ничего не помнит. И простые до умиления. Может, бандиты их чем-нибудь опоили?

– Надо обшарить эту пещеру, – сказал Бельмондо, путая лицом волосы Вероники. – Давайте отметим удвоение нашего коллектива и пойдем искать место, откуда это удвоение появляется.

Мы, конечно же, согласились и направились в столовую. Бельмондо с Вероникой до нее не дошли: у них нашлось срочное дело в спальне.

Через некоторое время и мы с Ольгой очутились в своем гнездышке. Поначалу я был скован. Мысль о том, что рядом со мной лежит существо, несомненно, искусственного происхождения, не давала мне почувствовать себя мужчиной, которому небо преподнесло подарок в виде захватывающей дух женщины. Однако Ольга изящным ходом изменила в воздухе настроение: она, как бы случайно поранила заколкой мизинчик и, по-детски сморщив личико, показала мне выступившую капельку крови. Я слизнул ее, алую, живую, и вмиг пропитался любовью от кончиков пальцев до самой макушки.

* * *

...Посидев за столом около часа, мы разделились на пары, и пошли на поиски. Конечно же, они ничего не дали. Что, например, мог найти Николай, идя под руку с покрасневшей от шампанского Софией? Только свою комнату.

Когда мы вновь собрались в столовой, Баламут в разговоре упомянул Худосокова, и Вероника вспомнила, что видела себя у его гроба. Через десять минут мы стояли рядом с ним.

— Как огурчик... — увидев мумию, попытался шутить Баламут, несколько оглушенный неожиданной встречей с дав-

ним и злокозненным знакомым. – Моя мама не моя, если он, даже мертвый, чего-то не затевает... Посмотрите на его ро- жу – сейчас подмигнет или в глаза плюнет...

Вероника его не слушала. Подойдя к помосту, на котором стоял гроб, она приподняла край покрывала и нырнула под него. Мы с друзьями удивленно переглянулись и по одному последовали за девушкой. Под помостом был широкий, метр на метр люк; его крышка из толстого листового железа была открыта. Спустившись по винтовой лестнице, освещенной тусклой сороковатной лампочкой, мы оказались в просторной комнате, напоминавшей комнату для гостей в крематории... Вероники в ней не было – она, видимо, прошла в одну из трех приоткрытых дверей.

– Ловушка, мы лезем в ловушку, я чувствую, – озираясь, зашептал Баламут. – Ленчик нас под собой похоронит, точно похоронит!

– Кончай паниковать, – поморщился Бельмондо и, пройдя к ближайшей двери, распахнул ее.

Он застыл, как вкопанный. Я вошел следом и тоже застыл, чуть ли не с приподнятой ногой. А девушки, как ни в чем не бывало, продолжали оживленно переговариваться:

– Воздух несколько тяжеловат... – сказала Софа.

– Да, – согласилась Вероника. – Хотела же взять с собой освежитель... Забыла.

– На такую комнату и такой запах никакого освежителя не хватит, – улыбнулась Ольга.

Пройдя вперед, она подошла к длинному, во всю стену стеллажу, оббитому изнутри оцинкованным железом. Подошла, заглянула в одну из ячеек и сказала тепло:

– Моя норка, – и, обернувшись к Веронике, поинтересовалась:

– А ты где лежала?

– В самом конце. Пошли, покажу.

И они, взявшись за руки и болтая, пошли к дальнему концу стеллажа. А мы с Баламутом и Бельмондо недоуменно смотрели друг на друга. После того, как Ольга сказала: "Моя норка", мы вспомнили прошлогоднюю галлюцинацию, в которой мы все вместе пролезли вслед за Вероникой под гроб Худосокова, затем вошли в эту комнату, и Ольга сказала: "Моя норка..."

– Один в один... – пробормотал Николай. – Значит, мы тогда видели будущее...

– Пошли, посмотрим, что в ячейках, – сказал я ему, направившись к стеллажу. И едва не упал – нога моя провалилась в нечто, напоминавшее узкий колодец. Вровень с полом это нечто было заполнено клубящимся сиреневым туманом.

– Ой, осторожно! – воскликнула Ольга, увидев, что я балансирую на краю колодца. В глазах ее стоял страх.

Приняв устойчивое положение, я посмотрел на туман. Как он заворачивал, как тянул в себя, хотя и был почти прозрачным! Столб воздуха между отверстием колодца и таким же отверстием в потолке также отливал слабым сиреневатым

цветом, но таким слабым, что не увидь я сиреневого тумана в колодце, то ничего бы и не заметил.

Полюбовавшись волшебным зрелищем, я заглянул в ячейку, соседнюю с "норкой" Ольги. В ней лежала... Ольга, одетая в легкое голубое атласное платице и тонкий свитер. Она была безжизненно неподвижной, но в остальном ничем не отличалась от девушки, которая стояла рядом со мной в точно такой же одежде. Казалось, пощекочи ее младенчески розовую пятку, и она улыбнется во сне, протянет руки и, поднимаясь, звучно шмякнется лбом о верх ячейки.

В смежных ячейках тоже лежали "ольги". Общим числом четыре. В тех же самых платицах. Потом шли "черновы". Пять штук, крепкие, моложе меня на вид (или свежее?). В шортах цвета хаки и черных майках. За "черновыми" лежали четыре "баламута" в синих с белым тренировочных костюмах. Тоже совсем неплохие, хоть лица их и несли отчетливые признаки похмельного синдрома. За "баламутами" располагались четыре "софии" в алых атласных платьях. В дальнем конце стеллажа лежали вперемешку "бельмондо" и "вероники" общим счетом восемь.

Придя в себя от потрясения, Баламут ушел в кают-компанию за водкой. Мы с Бельмондо задумались над картинками, посылаемыми нашими сетчатками в наши ополоумевшие мозги. Отчаявшись что-либо сообразить, Бельмондо хмуро проговорил:

– Знаешь, Черный, давай отвлечемся и не будем думать,

что все происходящее с нами – это коллективный глюк. Короче, попытаемся остаться в этом отдельно взятом глюке, как в отдельно взятой жизни. Мне кажется, что всех нас клонировали, согласен?

– Это неправильный вывод... – покачал я головой.

– Почему неправильный? – обиделся Бельмондо.

– Потому, что если бы это были наши клоны, то им было бы максимум по году от роду. Это не клоны... Это гораздо хуже, это – наши точные копии... Недавно сделанные копии с нашей памятью и нашими привычками. И в Москве мы с тобой чувствовали, что они существуют...

– А почему гораздо хуже? – удивилась Ольга. Она стояла сзади, положив подбородок мне на плечо.

– А потому что клонов в наше время сделает любой продвинутый ученый-биолог. А вот таких неотличимых копий, как вы – только господь Бог. Или развитая внеземная цивилизация... – ответил я, повернувшись и пристально посмотрев девушке в глаза.

Ольга не выдержала взгляда и скорчила такую уморительно-виноватую рожицу, что я не смог не обнять и не поцеловать ее.

Вдоволь нацеловавшись, я подошел к Борису, стоявшему у ячеек с "бельмондо", и сказал:

– Теперь ты понимаешь, откуда брались "худосоковы", охотившиеся за нами?

– Ты думаешь, они из этой же оперы?

– Из этой же, – кивнул я, наблюдая за Ольгой. Время от времени она бросала на меня такие взгляды, что мне трудно было не чувствовать себя счастливейшим из мужчин.

– Чудеса... – рассматривая одного из своих двойников, сокрушенно покачал головой Борис.

– А это ты видел? – показал я ему бирку из простой фанеры, лежавшую в норке, которую ожившая Вероника признала за свою. На ней была надпись "21 июля", сделанная синей шариковой ручкой.

Бельмондо недоуменно пожал плечами.

– Сегодня 21-е июля! – воскликнул я и, посмотрев на часы – они показывали второй час ночи – поправился:

– Вчера было 21-е...

– Ну и что?

– Вероника появилась 21-го! Посмотри под другой "вероникой", под ней тоже должна быть бирка.

Бельмондо сунул руку под ягодицу одной из копий Вероники, и, сказав удовлетворенно: "Тепленькая, хоть сверху ложись!", вытащил фанерку. На ней синим шариком было написано "18 августа".

В это время в комнате появился Баламут с узлом из скатерти за спиной. Когда он развернул узел, мы увидели то, что оставили на скатерти в столовой: тарелки, вилки, фужеры, бутылки (початые и не початые), перемешанные с кружочками колбас, ломтиками сыра, кусками растерзанных румяных уток с яблоками, а также шпротами в чешуе из хлебных

крошек. Все это было приправлено пролившимся спиртным и кетчупом.

Мы не стали корить Николая – по его глазам было видно, что он, добравшись до пиршественного стола, даже не выпил, а это было свидетельством крайнего душевного волнения. Не корили его и по другой причине – никто не хотел тратить на это время. Немедленно усевшись на полу, мы совершили то, что всегда приводило нас в хорошее расположение духа. То есть выпив, закусили, а закусив, закурили.

– Интересные шляпки носила буржуазия... – сказал Бельмондо, сделав несколько глубокомысленных затяжек. – Бойль на Мариотте сидит и Бойлем погоняет.

– А не проснутся они от дыма? – опасливо спросил Баламут, заглядывая себе подмышку, чтобы еще раз восхититься ажурными пальчиками правой ноги дубликата Софии (он сидел, прислонившись к ее ячейке).

– Они проснуться каждый в свое время и в назначенный час сделают то, что им внушили, – сказал Бельмондо, наблюдая за девушками, болтавшими в глубине комнаты. – И поэтому я предлагаю всех этих кукол привести в негодность. И сделать это прямо сейчас.

– А что ты будешь делать, если твоя Вероника завтра растворится в воздухе? Опять компьютерно-правовую революцию затеешь? А тут всегда дубликат под боком... – сказал я и пожалел об этом: не стоило вкладывать персты в подживающие раны Бориса.

– Запас, конечно, карман не тянет, – попытался усмехнуться Бельмондо. – Но кто их знает... Сейчас они пушинке не дают на нас упасть, в рот смотрят, а в час "Икс" на раз, два, три горла нам перережут. Если на что-нибудь другое фантазии не хватит.

– Пессимист ты! – приняв серьезный вид, начал я ерничать: – На вещи надо смотреть оптимистичнее... Представь, все девушки просыпаются и...

– Что "и"? – пристально посмотрел мне в глаза Бельмондо.

– Гарем. У каждого у нас будет идентичный гарем, – рассмехался я.

– У тебя крыша на сексуальной почве поехала, – махнул рукой Бельмондо. – Хотя, если подумать, ничто так не объединяет людей как женщина...

– Козлы вы, – пробурчал Баламут, разливая по стаканам остатки водки. – Наши дубли ведь тоже могут проснуться. И захихикал:

– Представляю, как Черный Черному будет морду бить. Я буду не я, если не натравлю их друг на друга.

Посмеявшись, он выковырял шпротину из закускогого террикона, возвышавшегося посреди достархана, положил ее на кругляш копченой колбасы и, дружески глядя, предложил мне все это в качестве закуски. Затем чокнулся с нами и принялся пить водку мелкими глотками. А мы с Бельмондо не пили – мы видели, что происходит за спиной Баламута.

2. Николай Второй просит водки. – Память образца прошлого года. – Конец ученого.

Лишь только Баламут прикоснулся к рюмке губами, за его спиной из нижней ячейки стеллажа появились голые ноги, потом все остальное, вплоть до головы Баламута. Встав, дубликат Николая сладко потянулся, затем затряс головой, затем увидел рядом с собой улыбающуюся Софию, затем – что в двух шагах от него пьют водку. И тут же, решительно отстранив подавшуюся к нему девушку, направился к нам.

По моим глазам Николай Первый, то есть исконный Баламут, понял, что за его спиной происходит нечто экстраординарное, но пить не перестал.

И правильно сделал. Николай Второй, видимо, не потреблявший спиртное с момента своего сотворения, втиснулся в наш кружок и, увидев, что все бутылки опорожнены, начал поочередно смотреть нам в глаза. Жалобно и очень выразительно, так выразительно, что я вырыл из закусочного террикона граненый стаканчик, вычистил его изнутри указательным пальцем и, перелив в него половину своей водки, протянул жаждущему. Тот принял стакан и, не меняя выражения лица, протянул его Бельмондо. Борис, вздохнул, поджал губы и также поделился водкой. Николаю Первому все это не

понравилось и он, забыв закусить, недружелюбно уставился на двойника.

– Ты кто? – наконец спросил он, поглаживая кончиком языка сносившуюся пломбу.

– Николай Сергеевич Баламутов, к вашим услугам, – ответил двойник, доставая из террикона огуречную четвертинку. – А ты кто?

– Хрен в пальто! – не удержался Баламут в оригинале. И, вынув из нагрудного кармана шариковую ручку, старательно нарисовал жирный крестик на лбу своей захмелевшей и потому достаточно индифферентной копии. Окончив труд, спрятал ручку и сказал нам с Бельмондо серьезно:

– Это чтобы вы меня от этого пьяницы отличали.

Покачав на это головой, Бельмондо повернул ко мне и спросил:

– Что будем с ними делать?

– Да ну их! – махнул я рукой. – Оставим здесь, выход заведем. А там все само собой решится.

– Правильно! – согласился Николай Второй. – Пошлите в столовую. Как она? По-прежнему функционирует?

– Функционирует, – покивал я.

– А какое сегодня число?

– Двадцать первое июля...

– Какого года?

Я ответил.

– Понятно, значит вы на год нас старше...

– Почему это?

– Потому что на моих часах, – постучал Николай Второй костяшками пальцев по своему лбу, – на год меньше.

– Ты хочешь сказать, что скопировали тебя с Николая Первого в прошлом году?

– Я думаю, что скопировали меня не с него, ха-ха, а с простыни на которой он спал с женой. А сделали совсем недавно.

– Так ты, Николай Второй, знаешь, что ты поддельный? – насторожился настоящий Баламут.

– Ну, зачем так категорично? Я просто появился, из этого колодца появился. И я точно такой же, как и ты, ну, может быть, пока немного кое в чем уступаю... Пока уступаю, потому как остро чувствую, что в твоём обществе мой ай кью, как член молодой поднимается.

– Если ты просто появился, то откуда у тебя моя память? – продолжал спрашивать Николай.

– С простыни, наверно. А сначала ее вообще не было... Помню только, что жил с женой на острове в пальмовой хижине... Потом память начала фрагментами появляться. То "семью восемь пятьдесят шесть" в голове появилось, то как телевизор включать, то "два паса – в прикупе чудеса". Потом колодец начал... – копия Николая запнулась, вспомнив, видимо, неприятное или то, что нельзя (запрещено?) было говорить. Некоторое время он смотрел мне в глаза отсутствующим взглядом, затем потряс головой, что-то из нее изгоняя;

затем принялся сосредоточенно жевать забытую было в руке огуречную четвертинку.

А мы с Бельмондо и Баламутом молчали. Нас поразила одна и та же мысль: "У него наша память образца прошлого года... Значит... значит, он не знает, что настоящую Софию зверски убили, не знает, что Баламут ("я" – подумал сам Николай) чуть не свихнулся после этого... Значит, этот поддельный Баламут лучше, здоровее, добрее, счастливее настоящего ("меня" – подумал сам Николай) Баламута?

– Нужно еще выпить... – вышел из ступора Бельмондо, – А то мозги набекрень. Пошлите, что ли, в столовую?

* * *

Николай-Второй покидал хранилище копов (позже мы его назвали Погребом) в задумчивости.

– Ты чего насупился? – спросила его София.

Взглянув в ее лучащиеся глаза, Николай Второй определился. Клейко посмотрев на девушку, он стремглав вернулся в хранилище, нашел ячейки с копиями Софии и принялся просматривать лежащие под ними бирки. Выявив ближайшую по дате воскрешения копию, вытащил ее, взвалил на плечи и бодро направился к нам.

– А ты знаешь, зачем вы вообще появились? – спросил я, когда он поравнялся со мной.

– Конечно, знаю. Мы должны в вашем присутствии стать

точно такими же, как вы. И только после этого начать изучение колодца с сиреневым туманом. А потом поставить на нем кое-какое оборудование, чтобы чудес не было. А насчет Худосокова вы не беспокойтесь. Я ведь, как не крути – Баламут, и к этому типу отношусь аналогично.

Но мы его не слушали, мы оглохли, онемели и застыли, как идолы – из колодца с сиреневым туманом показалась... голова Худосокова! Мы стояли, объятые ужасом, а Ленчик являлся торжественно, примерно так, как является из пусковой шахты уверенная в себе стратегическая ракета... И вот, он уже повис перед нами в воздухе в полуметре от пола, повис, одетый в серую хлопчатобумажную пижаму, повис двуногий, живой, но бездушный...

Повисев с минуту, Худосоков мешком упал на пол. К нему бросился Баламут Второй (тело своей Софии он сунул в руки остолбенелого Баламута Первого). Подбежав, взял Худосокова на руки и осторожно вложил в одну из свободных ячеек. Затем сунул в сиреневый столб руку с распахнутой вверх ладонью и схватил немедленно воплотившуюся над ней надписанную уже бирку. И сделал это так, как будто занимался этим всю жизнь.

Первым пришел в себя Бельмондо. Он бросился к ячейке, вытащил давнего врага за ноги, бросил на пол и ударами ног попытался привести в чувство.

Худосоков на пинки не отреагировал. Борис, выругавшись и вытря пот с покрасневшего лица, подошел к нам. Я

похлопал его по плечу:

– Равнодушнее, дорогой, равнодушнее.

Увидев, что мы более не собираемся предпринимать против Ленчика никаких действий, Баламут Второй вложил его тело в стеллажную ячейку.

– Вы что-нибудь понимаете? – спросил я товарищей, обзревая потрескавшиеся пятки Худосокова.

– Все они появляются из воздуха, – сказал Бельмондо. – А из этого следует, что мы опять коллективно глечим...

– А может быть, и нет... – проговорил я, разглядывая вторые экземпляры своих товарищей. – Помните, что Худосокков говорил об этом месте? Что через Искандеркульскую зону проницаемости в космос из земного ядра выбрасывается черт те что, вплоть до неизвестных науке элементарных частиц? А помните, нам "двушка" рассказывала, что в Сердце Дьявола творится что-то неладное? И что из-за этого все глюки и происходят? А помните, я вам говорил о распечатке, которую выдал принтер, когда я в прошлом году перед отъездом в Москву прощался с останками "двушки"? Я хорошо запомнил последнюю строчку: "Вероятность перехода В3/В4 – 89,98%". И еще в ней шла речь о каком-то слиянии точек нестабильности... Так что вполне возможно, что мы с вами являемся очевидцами ранее неизвестного природного явления...

– Если ты, прожженный материалист, допускаешь, что из воздуха могут рождаться стаи худосоковых, то я, непоследо-

вательный реалист, готов верить во все, что угодно, – пробурчал Баламут в оригинале. – Даже в то, что сейчас в этой комнате смеха появится Дева Мария в бикини и на пятнадцатисантиметровых тоненьких каблукках...

Но мы его уже не слушали, мы оглохли, онемели и застыли, как каменные изваяния – посреди комнаты, на том же самом месте, над которым появился Худосоков, прямо из воздуха воплотилась новая, как с конвейера, бетономешалка!

...Привело нас в чувство явление Горохова с непрерывно говорившей Клеопатрой. По их счастливым глазам было видно, что излечение бывшей невольницы Худосокова завершилось отнюдь не аплодисментами, но пылкими объятиями и обоюдными действиями, обычно следующими за таковыми.

Явление бетономесителя Горохова заинтересовало и он, истинный ученый, забыв о возлюбленной, направился к нему. За ним хвостиком последовала Клепа. Удостоверившись, что бетономешалка вполне материальна, хотя и отличается по конструкции от известных ему передвижных бетономесителей (отсутствовали загрузочный ковш, подъемный барабан, электродвигатель и некоторые другие части) Горохов заинтересовался двумя кнопками (синей и красной), торчавшими из пульта.

– Думай, не думай, три рубля не деньги, – сказал Баламут, подойдя к строительному агрегату. – Интересно, работает она или нет?

И бросив в бетономешалку узел из скатерти, погладил ее

как медную лампу по боку, поцеловал, и лишь затем нажал на синюю кнопку. Машина заработала, издавая характерные для стиральных машин звуки.

Довольно хмыкнув, Баламут нажал на красную кнопку. Машина остановилась. Николай хотел заглянуть в ее чрево, чтобы посмотреть, что случилось со скатертью и завернутыми в нее продуктами, но задумчивый Горохов со словами: "Она на чем-то стоит...", бесцеремонно отстранил его и принялся отодвигать бетономешалку в сторону. Мы с друзьями не стали ему говорить, что она стоит на колодце с сиреневым туманом – настоящий ученый ничему не поверит, пока не увидит все своими глазами. Склонившись над колодцем, Горохов некоторое время обзревал его содержимое пытливым взглядом. Затем, удовлетворенно кивнув, встал перед ним на колени, засучил рукав и сунул в сиреневый туман руку по самое плечо. По завершении этого действия случился дефолт: Горохов дернулся (как будто кто-то потянул его за руку) и упал во чрево таинственного явления природы. Клеопатра попыталась удержать его за плечи, но, совершив несколько напрасных хватательных движений, исчезла сама.

3. Боливар не вынесет двоих... – В лаве. – Без "трешки" не обойтись. – Крысы бегут в небо.

Мы не стали испытывать судьбы и спешно покинули погреб. Выбравшись из-под постамента, разломали его вместе с гробом и мумией Худосокова, покидали все в люк, задраили винтами крышку. Отряхнув пыль с рук, направились в столовую снимать стресс.

Выпив рюмку водки, я задумался. Взгляд мой блуждал по лицам друзей и копов: "Ольга, две Софии, Николай Второй... И еще полный стеллаж Ольг, Софий, Борисов и Черновых... Сердцем чувствую – надо уходить отсюда... Боливар не вынесет двоих, а нас тут по пять штук каждого...

По глазам своих товарищей я видел, что думают они о том же. А вот копов, судя по их виду, ничего не тревожило.

Ольга поглаживала мое бедро. В ее лучащихся глазах светилось желание как можно скорее остаться со мной наедине.

Николай Второй самозабвенно закусывал, время от времени по-хозяйски поглядывая на бездыханную Софию Третью, лежавшую на диване.

Вероника Вторая не ела, не пила, она – загадочность на пополам с нежностью – ласкала Бориса взглядом.

Пропустив еще по рюмке, мы уединились в комнате отды-

ха. Баламут, естественно, прихватил с собой бутылку водки и рюмки, а я – миску квашеной капусты.

– Может быть, пора кормить верблюдов? То есть смаывать отсюда подобру-поздорову? – спросил я, поставив миску на журнальный столик и усевшись на диван.

– Без женщин? – спросил Бельмондо, опустившись в кресло.

– Женщин возьмем! – сев рядом со мной решительно сказал Баламут. – Как без них?

– А Николая Второго оставим? – рассматривая ногти, покачал Борис головой. – Представляешь, что он тут может натворить? Напьется, как Баламут, и запустит биокомпьютер с помощью копов...

В это время случилось необычайное: из-под журнального столика показался... язык раскаленной лавы... Спустя минуту пузырящийся и дымящийся оранжевый поток приблизился к нашим с Баламутом ногам. Мы подняли их, не сводя зачарованных глаз с ног Бельмондо – они были в лаве, но Борис никак не реагировал.

– Ты посмотри, в чем твои ноги! – выдавил, наконец, я.

Борис заглянул под стол и, побелев от испуга, вскинул ноги на диван.

– Ни фиги себе! – сказал он, разглядывая свои совершенно целые кроссовки. – Опять глюки! Что ты поделаешь...

– Лава, текучая, базальтовая... Один к одному, – констатировал я, погрузив правую ногу в поток.

Бельмондо осмелел, видя, что я не вою от боли, встал, подошел к двери, выглянул в столовую и увидел лаву и в ней. Копы мирно беседовали, не обращая внимания ни на него, ни на быстро распространявшийся оранжевый поток. Вернувшись к столу, Борис не придумал ничего лучшего, как наполнить наши рюмки. Мы выпили, не чокнувшись.

Когда я потянулся за капустой, сквозь потолок посыпались темно-красные брызги и черные вулканические бомбы. Это была впечатляющая картина – некоторые из брызг и бомб прошивали нас насквозь. Одна из бомб пролетела сквозь бутылку. Коля импульсивно бросил к ней правую руку, схватил за горлышко и, увидев, что она невредима, нервно засмеялся. Отсмеявшись, предложил не испытывать судьбы и немедленно допить ее содержимое.

Прием третьей дозы улучшил настроение Николая, и он воскликнул, оглядывая комнату:

– Интересные шляпки носила буржуазия! – Сдается мне, что все эти чудеса связаны со сверхглубинной зоной проницаемости имени гражданина Худосокова... И это меня волнует.

– Меня это тоже волнует... – задумчиво протянул Бельмондо. – И потому я предлагаю...

– Наладить "трешку", – закончил за него Баламут.

– Верно, – покивал Борис. – Пусть разбирается. И еще пару зайцев можно убить...

– Ты... ты предлагаешь запихать в нее... Николая Второ-

го? – догадался я.

– И ему подобных, – хмыкнул Баламут.

– А не жалко тебе их? – спросил я, представив себя, сидящим с тором на голове.

– Жалко у пчелки, – твердо ответил Баламут. – Вот появится у тебя двойник, тогда поймешь, каково рядом с самим собой жить и знать, что он все о тебе до последней закорючки знает... Все мысли читает. Блин, как перед богом себя чувствуешь... А свои мысли маскирует, гад, думает в сторону. Не-е-ет, в "трешку" его и чем быстрее, тем лучше...

– А его Софию? – усмехаясь, спросил я. – Тоже туда же?

– И Софию тоже. Мне одной по самую крышку хватит.

– Еще четверых надо... – проговорил я, думая о предстоящей ночи с Ольгой. Звонкий ее смех раздавался из столовой, и я понимал, что смеется она для меня.

– Смотаемся в погреб и мобилизуем тех, которые проснулись... Твою мать!

Последним выражением Баламута охарактеризовал странные изменения, произошедшие в окружающем пространстве. Неожиданно все мы оказались в толпе, вернее, в стае бегущих существ высотой около двух с половиной метров, весьма похожих на гигантских прямоходящих крыс. Но удивительным было не это, удивительным было то, что эти крысы бежали сквозь нас и бежали по вертикали, то есть снизу вверх!

Никто из нас не мог вымолвить и слова. Одеревенев, мы

разглядывали короткую шерсть, покрывавшую крыс, их напряженные уши, выпученные от страха глазки.

– Похоже, крысы покинули Землю... – пробормотал Бельмондо, когда в потолке исчез хвост последней твари. – Надо с утра запускать "трешку"...

* * *

Трахтенн вон Сер был расстроен. Приборы показывали, что генерация Вселенной-4 началась раньше расчетного времени. И началась не с одной, а с многих точек, существенно отстоящих друг от друга, как по расстоянию, так и во времени... Это значило, что наряду с начальными порциями вещества новой Вселенной могут возникнуть и какие-то отдельные ее сквозные цивилизации, в том числе, и способные понять происходящее и защитить себя от действий жителей Вселенной-3. Защитить, уничтожив его космическую торпеду. Об этой возможности Трахтенна предупреждали ученые...

4. Пятна, каверны и дырки. – Когда топор был найден и проверен на остроту...

Утром почему-то подавали суп. Черепаховый, очень вкусный. Я думал, не заказать ли мне вторую порцию, когда Николай, сидевший напротив, чертыхнулся. Посмотрев на него, я увидел, что он недоуменно разглядывает скатерть под своей тарелкой.

– Протекает... – сказал он, наконец, сам себе. – Только что была нормальной, а теперь протекает.

Я встал, подошел к нему, взял тарелку в руки и, вылив остатки супа в свою, осмотрел. И увидел на дне маленькую, с маковое зернышко, дырочку. Она расширялась, медленно, но расширялась.

И это было не все – вся тарелка было покрыта едва заметными коричневыми пятнышками, медленно превращавшимися в каверны...

– Мы влипли! Это какая-то зараза! – увидев, что я ошеломлен увиденным, почернел Баламут.

– Боишься, что и в бутылках появятся дырки? – пытался шутить я.

– Дурак! – возмутился Коля. – Все рассыплется, все. И пещера эта, и бутылки, и... и Земля!

– Наверное так... – вздохнул вдруг Николай Второй, доселе тихо сидевший на своем месте. – Хотите, я вам кое-что покажу?

– Что ты нам покажешь? – вперил я в него насторожившиеся глаза.

– Иди, посмотри на мою руку...

Я, стараясь выглядеть невозмутимым, подошел к копу и вперил глаза в его ладонь.

На ней хорошо различались десятки алых каверн. Некоторые из них были размером в два-три миллиметра. И они расширялись, очень медленно, но расширялись.

В порыве брезгливости, я отбросил руку и, отирая ладони о бедра, пошел к своему стулу. Усевшись, посмотрел на тарелку Баламута.

В ней уже зияло три дырки.

* * *

Спустя пятнадцать минут нам было известно, что каверны покрывают также потолок, стулья, столовые приборы и правую руку не очнувшейся еще Софии. Той, которую принес Баламут Второй. Подумав, мы решили, что источником заразы является именно он. Спас его от заточения в Погребе Бельмондо, принесший из кладовки ящик шампанского, все бутылки в котором по понятной причине были пустыми или полупустыми...

Этот ящик сделал нас неврастениками. Мы стали избегать друг друга, старались ни к чему не прикасаться, не ели, не пили. Через некоторое время Баламут Второй ополоумел и решил отрубить себе руку – одна из каверн на тыльной стороне его ладони добралась до кости. Но, когда топор был найден, наточен и проверен на остроту, каверна перестала увеличиваться в размерах и на глазах затянулась...

* * *

Трахтенн Вон Сер, весь синий от переживаний, пришел на командный пункт, чтобы посмотреть с тоски на мерцающие звезды. Однако взгляд его приковал дисплей, показывавший состояние Синии: вон Сер увидел, что процессы генерации Вселенной-4 прекратились.

"Как здорово", – порадовался Трахтенн и, улегшись на спину, принялся соображать, как ему отметить это событие. И, в конце концов, решил не оригинальничать, а просто выпить еще. Выпив пол-литра, пошел в свою каюту, улегся на кровать и отдался тяжелому наслаждению. Как только в его глазах сине-розовые разводы сменились малиновыми, заняла сирена общей тревоги.

"На борту появился чужой..." – лениво подумал Трахтенн и, не открывая глаз, пошарил активным перлом сенсорной кручмы по пульту управления, нашел соображало и вставил его в заднюю (бордовую) кручму. И, продолжая насла-

ждаться (малиновые разводы трансформировались в пьянящие звездочки третьей величины), неспешно переварил информацию, переданную сообщением с бортового Мыслителя. Получалась, что в тысяча сто тридцать третьем отсеке с ПВВВ появился фрагмент Вселенной-4, проявляющий активность и после прекращения деструктивных процессов в ядре Синии. "Аг... Ак?.." – только и смог подумать на это Трахтенн. "Нет, активность не агрессивная" – ответил сообщительный Мыслитель.

Компьютер еще что-то сказал, но Трахтенн уже не слушал: выжав сообщало и повысив давление в системе со струнным замедлителем, он отключился.

* * *

Надо сказать, что Трахтенн вовсе не был токсикоманом, по крайней мере, по мариинским меркам. Мариинская цивилизация с незапамятных времен основное внимание уделяла всестороннему развитию индустрии всевозможных удовольствий. Еще тысячу торгов назад все ксеноты по генетической склонности к тому или иному образу жизни были разделены точными научными методами на шесть групп. И с тех пор около десяти процентов ксенотов – природных наркоманов – с момента рождения, вернее, с момента определения природных склонностей, помещалось в так называемые кадушки – специальные высокотехнологичные емкости,

в которые в определенной последовательности подавались совершенно безвредные и индивидуально подобранные наркотические вещества.

Другие десять процентов новорожденных (с ярко выраженной склонностью к насилию) после достижения ими семи торгов наделялись титулом "хор" и отправлялись на планету Уруш, лишенную собственной фауны и флоры, и вообще всего того, чего мариянам было бы жалко потерять или испортить.

Такой высылкой мириинская цивилизация решала три проблемы. Во-первых, она освобождала себя от прирожденных убийц и насильников; во вторых, оттачивала хирургию и трансплантологию (на Уруше воевали постоянно, и хирургия развивались на нем стремительно); а в-третьих, в ее распоряжении всегда было несколько миллионов прекрасных и на все готовых солдат.

Третья часть населения Мария, самая большая и самая в психическом отношении здоровая (около 50 %), носила титул "вон", который давал им право получать удовольствия самостоятельно и в широком их спектре. Эти удовольствия включали всевозможные и хорошо организованные приключения разной степени опасности, секс, туризм, в том числе, как вы уже знаете, и секс-туризм, потребление произведений всевозможных искусств, в том числе и кулинарных, разнообразная и безвредная интоксикация, спорт, политика и так далее.

Четвертую часть населения (около десяти процентов) можно было бы назвать отбросами общества, если бы не ее огромный творческий потенциал. Ее составляли психопаты и неврастеники всех мастей. Эти десять процентов носили титул "сай" и жили в концентрационных лагерях со всеми удобствами; в них они безвредно для общества могли сублимировать свои душевные заболевания в открытия, изобретения, инженерные разработки и произведения искусства.

Пятую часть населения Марии (тоже десять процентов) составляли трудоголики. Они не имели титула и работали с утра до вечера, обеспечивая всем необходимым все остальное население.

Шестую часть мариян составляли ксеноты, уставшие от существования. Они скапливались на Затаенном острове и ждали там момента, наиболее подходящего для осознанного расставания с жизнью.

Как вы уже, наверное, догадались, Трахтенн вон Сер принадлежал к самой большой группе мариинского населения, то есть к нормальным ксенотам, которые с самого рождения беспрестанно предавались удовольствиям. Выйдя из анабиоза (анатексиса) на заключительном отрезке полета, он оказался в непривычной обстановке, в которой невозможно было получать привычные с детства удовольствия; он оказался в атмосфере, в которой витало такое непривычное для "вонов" слово "надо", в которой витали страхи, сомнения и прочие стрессы. И, конечно же, он пытался избежать их. С по-

мощью интоксикации и релаксатора.

Вы можете спросить, почему руководителем жизненно важной миссии мариинские Управители поставили нормального ксенота? Ведь были же полковники с Уруша, гениальные маньяки из концентрационных лагерей, неусыпные трудоголики, наконец? Да не могли они назначить никого из перечисленных групп ксенотов! Потому что закон № 173 Мариинской цивилизации гласит: Руководителями ксенотов, так же, как и исполнителями ответственных заданий могут быть только "воны". То есть нормальные ксеноты.

5. Копы не против. – "Трешка" в действии. – Компот из селедки. – Дело дохлое?

Баламут, обрадованный прекращением кавернообразования, сходил за шампанским (не все бутылки оказались попорченными) и мы сели отходить от стресса. Но веселья не получилось – мысли о том, что вот-вот начнется какая-нибудь маленькая или большая крупная неприятность не давала нам покоя.

С таким настроением лезть в "трешку" самим не хотелось и мы уговорили веселенького уже Баламута Второго послужить пару дней главной составляющей компьютера. Так быстро уговорили, что мне эта сговорчивость показалось странной. Но подозрения жили в наших сердцах недолго, а именно до тоста в честь мужественного добровольца. Опорожнив фужер, доброволец развеселился и предложил немедленно идти в погреб:

– Приоткроем люк, – сказал он, – и первым пятерым моим собратьям, желающим подышать свежим воздухом, предложим лезть в компьютер вместе со мной.

...Так получилось, что первыми в наши сети попали копы всех нас, то есть Софии, Вероники, Ольги, Бельмондо и мой. Шестым хотел выскочить Николай Третий, но мы его не пустили А отловленных и в общем-то не сопротивлявшихся копов, усыпили эфиром, найденным в медпункте, перетащили в комнату "трешки" и прикрепили с помощью белохалатников к креслам и датчикам. Когда копы опамятавались, надели им на головы тор и напустили в него голубой эссенции.

И "трешка" заработала. К нашему, надо сказать, несказанному удивлению – в душе никто не верил, что у нас с ней что-нибудь получится. "Все великое просто" – думал я, набивая биокомпьютеру первый вопрос: "Что происходит?"

Ответила "трешка" немедленно:

– Что происходит, что происходит, – услышали мы с потолочного динамика ее уверенный голос. – Да сейчас вокруг вас происходит миллион процессов. Колиньке Баламуту, к примеру, я посоветовал бы немедленно заняться Софией, ибо через два часа тридцать семь минут она поплывет в ежемесячный отпуск. А ты, Черный, вообще охамел... Какого черта ты Оленьку в сердце свое не впускаешь? Она же на пятьдесят два с половиной процента лучше той самки, которая лежит сейчас с первым советником шведского посольства на диване в отдельном кабинете модного московского

ресторана "Пушкин"... А ты, Бельмондо? Столько женщин познал, а как был дураком, так и остался – два года с Вероникой живешь, а не доставил себе труда понять, что оргазм у нее клиторный... Кстати, хотите анекдот на эту тему? Однажды послал бог мужику бутылку шампанского, а жена его была против этого дела, хоть плачь. Так мужик придумал: Приду домой, спрячу бутылку в сливной бачок, а когда заснет – выпью. Так и сделал. Легли они спать, жена с краю, он у стенки, а в соседней комнате – Вовочка. Выждал мужик минут пятнадцать и полез через жену к сливному бачку. А она тык ему локтем в живот: Подожди, Вовочка еще не спит. Выждал мужик еще пятнадцать минут. И опять в живот получил. Наконец, добрался он до бачка, стал бутылку открывать, а она возьми и стрельни! А Вовочка кричит матери из своей комнаты: Ну что, довыпендривалась? Папка в туалете застрелился!

– Ну и хам же ты, "трешка", – покачал я головой. Анекдот вне всякого сомнения перешел в биомашину от Чернова-2. А к нему от меня.

– Неправда твоя, начальник! – возразила "трешка". – Я не хам, я – все вы вместе взятые. И потому я даже не мужчина и не женщина, я не голубой и не зеленый, я не мальчик и не муж, я – все вы! Посмотрите на себя со стороны и содрогнитесь, встретившись глазами с ничтожными обывателями! Чем вы занимаетесь? О чем вы думаете? Вы пьете и трахаетесь, трахаетесь и пьете... И думаете только об этом...

– Ты нам мораль не читай, – рассердился я. – Мы тебя не затем собрали. У нас тут черт те что творится, а ты турусы на колесах разводишь. – Ты лучше скажи, что это за странные дырки появляются на тарелках и прочих местах?

– Да... – вздохнула "трешка". – Это вопрос серьезный и как-то связанный с появлением копов... Знаете что, суньте-ка тарелку в анализатор, он стоит в комнате номер четырехста четыре...

Когда просьба "трешки" была выполнена, она надолго замолчала. А это означало, что дело наше плохо.

6. Всех по паре. – Двенадцать против шестерых.

Поговорив с полчаса на диване, София с Вероникой пошли прогуляться. А мы развалились на креслах в кают-компании и принялись ждать "аудиенции" с "трешкой". Когда я раздавливал в пепельнице четвертую сигарету, София с Вероникой вернулись, сопровождаемые дюжиной враждебно настроенных копов. В их толпе всех нас было по паре – двое "черных", двое "баламутов", два "бельмондо" и так далее.

...Сначала нам пришлось драться каждому со своими копами, но скоро нападавшим это перестало нравиться. И все из-за того, что я, например, легко избегал ударов совершенно аналогичных мне Черновых – может быть, из-за того, что арсенал приемов нападения и обороны у них был тот же, что и у меня. А может быть, просто реакция у них, недавно появившихся на свет, была похуже. В общем, минуты через три безрезультатной и явно бесперспективной битвы все мы – и нападавшие, и обороняющиеся – на секунду приостыли. Но только на секунду – по крайней мере, я услышал только два удара своего сердца. Когда третий только назревал, копы, как по команде, сменили соперников и передо мной оказались две недобро улыбающихся "бельмондо".

Зря они теряли время на недобрые улыбки. Зная, где у

Бельмондо, любителя женщин, самое святое место, я короткими расчетливыми ударами ног вывел их из строя и тут же бросился на помощь настоящему Бельмондо, только что получившему от одного из копов Баламута очень неприятный, по-видимому, удар в солнечное сплетение. Оригинал Баламута всерьез дрался с двумя "ольгами", вооружившимися ножками разломанных дубовых стульев. Получив несколько ударов по голове (я, пожалуй, от них свалился бы) он прояснел мозгами и поспешил вооружиться огнетушителем, висевшим на стене. И две "ольги" тотчас покрылись облаком белоснежной пены, из которой, впрочем, продолжали вырываться их кулачки.

В самом начале драки я опасался, что присоединившиеся к нам девушки перейдут на сторону своих бывших "сестер". Но, к счастью, этого не произошло – они мужественно приняли бой на нашей стороне. Ольга-2 легко связала малохолерных Вероник неизвестно откуда взявшимися у нее колготами и тотчас же принялась помогать Веронике из своей команды, которую и видно-то не было под телами мутузящих ее "софий". А наша София схватились не на жизнь, а на смерть с "черновыми". И успешно им сопротивлялись, видимо, из-за того, что оригинал Чернова хоть и любил Ольгу, но к златокудрой Софии был равнодушен. И это отношение, естественно, наследовалось его копами.

Завершающие минуты битвы прошли с переменным успехом, но с заметной тенденцией к полной и безоговорочной

победе превосходящей по численности стороны. Так оно и случилось. Нас одного за другим скрутили и привязали к колоннам, удерживавшим своды кают-компаний.

Как только дело было сделано, копы собрались в кружок и после короткого обмена мнениями решили нас... повесить. Однако когда веревки были найдены и проверены на прочность, обнаружилось, что прикреплять их не к чему – на сводах кают-компаний не было ни люстр, ни крюков. Тогда один из "черновых" предложил вместо повешения просто освежевать нас, как баранов. Остальные копы согласились, и один из "бельмондо" пошел на кухню за разделочными ножами...

Сначала мне показалось, что они просто не в состоянии нас убить. Ко мне подходили "ольга", "баламут", "чернов", но ни один из них не смог ни вогнать нож в мое сердце, ни перерезать горло. Что-то было такое в их глазах. Жалость? Беспомощность? Или просто сказывалось отсутствие мясницкой квалификации?

Когда они один за другим захохотали, мы озадачились. А когда нас развязали и повели к накрытому столу, мы поняли, что над нами просто шутили...

* * *

Места за обеденным столом хватило всем участникам так благополучно закончившейся драки. А шампанского в подвалах Худосокова было достаточно. "Трешка" по-прежнему

думала, но мы уже не беспокоились о будущем, ибо в тот момент всех нас интересовало лишь ближайшее будущее в объятиях наших подруг. Уже в конце вечера, когда мне стало совсем уж хорошо, я спросил своего копа, сидевшего рядом:

– А с чего это вдруг вы на нас набросились?

– Послал кто-то... Мы уже от голодухи хотели в колодец лезть, как в мозгах зашевелилось: "А сможете вы, малохолельные, с ними шутку сыграть?"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.